

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛИОГРАФІЯ.

Война и миръ.—Сборникъ боевыхъ наставленій и приказовъ.—Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ Европейской Турціи.

Война и Миръ. 4-й томъ. Сочиненіе графа Л. Н. Толстаго.

Романъ графа Толстаго „Война и Миръ“, о которомъ мы намѣрены сообщить краткій отчетъ, вѣроятно уже прочтенъ многими изъ нашихъ военныхъ читателей съ особеннымъ интересомъ. Онъ затрогиваетъ вопросы самые близкіе военному человѣку. Касаясь историческихъ событій начала нынѣшняго столѣтія и дорогой сердцу каждаго русскаго эпохи 12-го года, написанный картинно и съ несомнѣннымъ талантомъ, этотъ романъ можетъ даже имѣть большое вліяніе на складъ понятія большинства читающаго, не-военнаго, общества, знающаго лишь по наслышкѣ о достопамятной эпохѣ. Стоитъ припомнить, какое вліяніе имѣли въ свое время художественныя произведенія Пушкина и Жуковскаго, касавшіяся дѣятелей эпохи двѣнадцатаго года, и всякій согласится, что они сообщали извѣстный колоритъ этимъ дѣятелямъ. При такомъ значеніи таланта, берущагося за разработку историческихъ событій, каждая ошибка автора, каждое уклоненіе его отъ истины становится весьма важнымъ, тѣмъ болѣе, что борьба сухой повѣрки фактовъ съ блестящимъ изложеніемъ, на каждомъ шагу

закупающимъ читателя, далеко не равна. Вообще критическая оцѣнка подобнаго талантливаго произведенія, какова бы она ни была, будетъ находиться въ неблагопріятныхъ условіяхъ: купленное большинство не омрачить никакими сомнѣніями тѣхъ убѣжденій, которыя тагъ искусно обставлены талантомъ. Само собою разумѣется, мы говоримъ здѣсь о лицахъ совершенно незнакомыхъ съ исторіею, въ особенности съ военною исторіею описываемой эпохи; что же касается до людей, имѣющихъ извѣстныя научныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, то имъ легко будетъ разсмотрѣть тѣ противорѣчія и несообразности, въ которыя впадаетъ авторъ, желая, во что бы то ни стало, подвести подъ извѣстную теорію встрѣчающіеся факты. Такіе читатели съ удовольствіемъ прочтутъ описаніе боевыхъ и парадныхъ сценъ, на которыя такой мастеръ графъ Толстой, но ни на минуту не усомнятся въ томъ, что хочетъ оспорить авторъ: они никогда не сочтутъ Наполеона за дурнаго генерала, никогда не повѣрятъ, что въ бою начальникъ ничего не значить, что плѣнныхъ надо убивать будто бы для того, чтобы войну сдѣлать менѣе кровопролитною и проч. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ высказать нашъ взглядъ относительно этого романа, указать на увлеченія и ошибки автора, на тѣ фактическія ошибки, которыя могутъ исказить истинный смыслъ событія или представить въ превратномъ видѣ какую-либо отрасль военнаго дѣла. Прежде всего надо замѣтить, что въ романѣ графа Толстаго нечего искать точнаго изслѣдованія историческихъ событій; методъ автора далеко не тотъ, который употребляется обыкновенно въ этихъ случаяхъ и состоитъ въ изученіи сырыхъ матеріаловъ, сличенія показаній и выводъ вѣроятнаго заключенія: графъ Толстой беретъ извѣстный фактъ и показываетъ его читателямъ съ извѣстной точки зрѣнія, совершенно произвольно окрашивая его тѣмъ или другимъ цвѣтомъ. Иногда случается даже встрѣчаться съ фактами подтвержденными сомнѣнію, и хотя графъ Толстой говоритъ (въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ № 3 „Русскаго Архива“), что всѣ свои показанія онъ основываетъ на достовѣрныхъ источникахъ, но мы смѣемъ замѣтить автору, что это еще не доказываетъ достовѣрности факта: объ одномъ и томъ же фактѣ можно найти десятки показаній взаимно противорѣчащихъ, но имѣющихъ одинаковую степень вѣроятности. Указавъ на методъ, посред-

ствомъ котораго авторъ обращается съ историческимъ матеріаломъ, мы перейдемъ къ изложенію содержанія 4-го тома его сочиненія, имѣя преимущественно въ виду военную сторону и предоставляя себѣ право останавливаться на тѣхъ мѣстахъ романа, которыя, по нашему, мнѣнію не согласны съ истинной и здравыми понятіями о военномъ дѣлѣ.

Но для того, чтобы усвоить себѣ точку зрѣнія автора на военныя событія, необходимо познакомиться съ его философскими понятіями, высказанными имъ относительно исторіи вообще. Эти воззрѣнія сводятся къ чистѣйшему историческому фатализму. По мнѣнію графа Толстаго, все опредѣлено предвѣчно и такъ называемые великіе люди суть только ярлыки, привѣшиваемые къ событію и не имѣющіе съ нимъ никакой связи, не влияющіе ни на его ходъ, ни на время, ни на форму, въ которой оно выражается; онъ полагаетъ, напримѣръ, что воля Наполеона, въ отношеніи факта нашествія французовъ въ 1812 году, была такъ же ничтожна, какъ воля какого-нибудь фурштатскаго солдата, захотѣвшаго или не захотѣвшаго вести провіантъ для арміи, что громадность событія поглощаетъ и нивелируетъ частныя стремленія. Понятно, что мысль эта, доведенная до крайности и несообразенная съ другими представляющимися уму силлогизмами, приводитъ къ абсурду: приходится очертя голову высказывать результаты, даваемые такою исходною точкою. Нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія безконечно отдаленной, не только дѣйствія Наполеона, но все происходящее на землѣ, или даже на солнечной системѣ, составляющей атомъ вселенной, немногимъ больше нуля; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что съ точки зрѣнія идеала всѣ чело-вѣческія стремленія и усилія одинаково ничтожны; но всякому понятна огромная разница между Наполеономъ и Маккомъ, Пушкинымъ и Тредьяковскимъ, Шекспиромъ и г. Дьяченко и т. д. „Такой же причиной (причиной войны), говоритъ авторъ, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо ежели бы онъ не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы другой, и третій, и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскахъ Наполеона, и войны не могло бы быть“. Далѣе: „Дѣйствія Наполеона и Александра, отъ слова которыхъ зависѣло, казалось,

чтобы событіе совершилось или не совершилось — были такъ же мало произвольны, какъ и дѣйствіе каждаго солдата, шедшаго въ походъ по жребію или по набору. Это не могло быть иначе потому, что, для того, чтобы воля Александра или Наполеона (тѣхъ людей, отъ которыхъ, казалось, зависѣло событіе) была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ обстоятельствъ, *безъ одного изъ которыхъ* событіе не могло бы совершиться⁴. Понятно, что такая точка зрѣнія неприменима къ дѣйствительной жизни; ее можно признавать какъ математическую или философскую уловку, *conception mathématique*, но проводить этотъ взглядъ въ жизнь значитъ терять напрасно время и ломать голову надъ схоластикою. Вообще надо замѣтить, что опредѣленіе какихъ-либо общихъ законовъ, руководящихъ человѣчествомъ, можетъ только тогда принести благотворные результаты, когда, при широтѣ взгляда, оно основано на обширной и многосторонней подготовкѣ: таковы выводы Бюкля и Дарвина, которые, при своей теоретической вѣрности, могутъ быть обильно примѣнены въ жизни и значительно уясняютъ и расширяютъ умственный кругозоръ человѣка. Безъ этихъ условій человѣческой умъ охотно впадаетъ въ узкость и становится одностороннимъ. Упорная односторонность взгляда и слѣдованіе за предвзятою идеею проглядываютъ во всѣхъ мѣстахъ романа, имѣющихъ сколько-нибудь философское направленіе, и при послѣдовательности графа Толстаго заводятъ его иногда слишкомъ далеко.

Покончивъ съ философіею, гр. Толстой переходитъ къ дѣлу и описываетъ первые шаги наполеоновой арміи, переходъ черезъ Нѣманъ, возбужденно-веселое настроеніе войскъ, которое всегда замѣчается при началѣ кампаніи, свиданіе Наполеона съ генераль-адъютантомъ Балашевымъ, посланнымъ императоромъ Александромъ для послѣдней попытки отклонить уже неизбежную войну, и затѣмъ переходитъ къ описанію настроенія умовъ въ нашей арміи и положенія дѣлъ въ нашей главной квартирѣ, расположенной въ Дриссѣ. Описаніе нашей главной квартиры клонится къ тому, чтобы доказать, что никакого плана отраженія французовъ у насъ не существовало. Минута, выбранная авторомъ, дѣйствительно была одною изъ самыхъ смутныхъ минутъ во все время кампаніи: грозная опасность, которая до послѣдней минуты казалась отклонимою, выяснилась окончательно и стала лицомъ къ лицу къ тогдашнимъ

дѣтелямъ, не приготовленнымъ къ ней основательно; наступала пора дѣйствій, и дѣйствій во что бы то ни стало; отъ словъ надо было переходить къ дѣлу, которое было чрезвычайно сложно и подчинялось множеству пружинокъ, находившихся въ разныхъ рукахъ, которыя слѣдовало направить для достиженія одной цѣли. Наша главная квартира состояла тогда изъ огромнаго числа лицъ, посредственно или непосредственно принимавшихъ участіе въ военныхъ распоряженіяхъ; число этихъ лицъ значительно увеличивалось вслѣдствіе того, что государь находился лично при войскахъ и хотя не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, не командовалъ войсками, не только имѣлъ огромное вліяніе на военныя дѣйствія, но и стѣснялъ въ значительной мѣрѣ главнокомандующихъ, отнимая у нихъ то единство власти, которое такъ необходимо для всякаго начальника. При государѣ лично не было штаба главнокомандующаго, а былъ штабъ императорской главной квартиры, при которомъ находились генералы, флигель-адъютанты, дипломатическіе чиновники и большое количество иностранцевъ. Кромѣ того, безъ должности при государѣ находились Аракчеевъ, бывшій военный министръ, Бенигсенъ, по чину старшій изъ генераловъ, великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, канцлеръ, Штейнъ бывшій прусскій министръ, Армфельдтъ шведскій генераль, Поуль, главный составитель плана кампаніи, Пауллучи, генераль-адъютантъ, сардинскій выходецъ, Вольцогенъ и многіе другіе. „Хотя эти лица, говоритъ авторъ, и находились безъ военныхъ должностей при арміи, но по своему положенію имѣли вліяніе, и часто корпусный начальникъ и даже главнокомандующій не зналъ въ качествѣ чего спрашиваетъ или совѣтуетъ то или другое Бенигсенъ, или великій князь, или Аракчеевъ, или князь Волконскій, и не зналъ отъ его ли лица, или отъ государя истекаетъ такое-то приказаніе въ формѣ совѣта, и нужно, или не нужно его исполнять“. Вообще въ этой огромной блестящей и безпокойной толпѣ, составлявшей главную квартиру арміи, гр. Толстой находитъ нѣсколько партій, изъ которыхъ главнѣйшія были слѣдующія: партія Поуля и его послѣдователей, теоретиковъ войны, вѣрившихъ въ науку войны, имѣющую будто-бы свои неизмѣнные законы, законы облическаго движенія, фланговыхъ позицій, обходовъ, движенія по внутреннимъ и внешнимъ линіямъ и т. п. Люди этой партіи высказывали свою теорію,

основанную на отвлеченныхъ соображеніяхъ, и требовали неумолимаго ея исполненія, называя всякую противоположную попытку варварствомъ, необразованностью и даже злонамѣренностью. Вторая партія, противная первой, состояла изъ людей энергичныхъ и смѣлыхъ, требовавшихъ наступленія и отрицавшихъ пользу всякихъ отвлеченныхъ соображеній, основанныхъ не на дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, а на предвзятой quasi-научной теоріи. Это были вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе люди, представители нашей національности, ненавидѣвшіе нѣмцевъ и видѣвшіе въ войнѣ не осуществленіе какихъ-либо теорій, а поруганіе русской земли, и совѣтовавшіе драться съ непріателемъ, не впускать его въ Россію, не давать унывать войску. Къ этой партіи принадлежали Ваграціонъ, Ермоловъ и др. Затѣмъ слѣдуетъ партія придворныхъ дѣлателей сдѣлокъ, партія цесаревича, партія Барклая и проч. Авторъ не забываетъ и той партіи, которая состояла изъ людей, хладнокровно относившихся ко всему совершавшемуся и ищущихъ въ войнѣ лишь удовлетворенія своимъ личнымъ, мелочнымъ интересамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе люди бываютъ, къ несчастію, вездѣ; но, по нашему мнѣнію, въ ту эпоху, грозившую всѣмъ одинаково опасностью, личные интересы должны были отойти на второй планъ, должны были естественно замолкнуть въ виду грозившей бѣды и слиться въ одномъ общемъ желаніи — отраженіи непріятеля. Авторъ полагаетъ, что число подобныхъ людей было очень велико и будто оно относилось къ числу приверженцевъ другихъ партій какъ 99 къ одному.... Такой выводъ, по меньшей мѣрѣ, можетъ быть названъ риторическимъ преувеличеніемъ. Наконецъ изъ всѣхъ этихъ партій выдвинулась послѣдняя, которая откровенно высказала государю положеніе дѣлъ, весь вредъ, происходящій отъ присутствія его при главной квартирѣ, и совѣтовала ему оставить армию, заняться воодушевленіемъ народа и возбужденіемъ народной войны. Государь внялъ голосу этой партіи и, отѣхавъ въ скоромъ времени въ Москву, положилъ начало народному вооруженію, погубившему Наполеона. Говоря объ этомъ мѣстѣ романа, нельзя не упомянуть о личности Поуля, составителя плана кампаніи и виновника дрискаго лагеря, личности, которую графъ Толстой мастерски воспроизводитъ въ своемъ разсказѣ. „Поуль, съ перваго взгляда, въ своемъ русскомъ, генеральскомъ, дурно-сшитомъ мундирѣ, который нескладно, какъ на наряженномъ, сидѣлъ на немъ, по-

казался князю Андрею (герою романа) какъ будто знакомымъ, хотя онъ никогда не видалъ его. Въ немъ были и Вейротеръ, и Маккъ, и Шмидтъ, и много другихъ нѣмецкихъ теоретиковъ-генераловъ, которыхъ удалось князю Андрею видѣть въ 1805 г.; но онъ былъ типичнѣе всѣхъ ихъ. Такого нѣмца-теоретика, соединившаго въ себѣ все, что было въ тѣхъ нѣмцахъ, еще не видалъ никогда князь Андрей, Пфуль былъ и одинъ изъ тѣхъ безнадежно, неизмѣнно, до мученичества самоувѣренныхъ людей, которыми только бываютъ нѣмцы, и потому именно, что только нѣмцы бываютъ самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи науки, т. е. мнимаго знанія совершенной истины. Французъ бываетъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ такъ и тѣломъ, непреодолимо обворожительнымъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Англичанинъ самоувѣренъ на томъ основаніи, что онъ есть гражданинъ благоустроеннѣйшаго государства въ мірѣ, и потому, какъ англичанинъ, знаетъ всегда, что ему дѣлать нужно, и знаетъ, что все, что онъ дѣлаетъ какъ англичанинъ, несомнѣнно хорошо. Итальянецъ самоувѣренъ потому, что онъ взволнованъ и забываетъ легко себя и другихъ. Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣрить, чтобы можно было знать что-нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ, и тверже всѣхъ, и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина. Таковъ очевидно былъ Пфуль. У него была наука—теорія облическаго движенія, выведенная имъ изъ исторіи войнъ Фридриха Великаго, и все, что встрѣчалось ему въ новѣйшей военной исторіи, казалось ему бессмыслицей, варварствомъ, безобразнымъ столкновеніемъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано столько ошибокъ, что войны эти не могли быть названы войнами: онъ не подходилъ подъ теорію и не могли служить предметомъ науки. Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ теоретиковъ, которые такъ любятъ свою теорію, что забываютъ цѣль теоріи—приложеніе ея къ практикѣ; онъ въ любви къ теоріи ненавидѣлъ всякую практику и знать ея не хотѣлъ. Онъ даже радовался неуспѣху, потому что неуспѣхъ, происшедшій отъ отступленія въ практикѣ отъ теоріи, доказывалъ ему только справедливость его теоріи“.

Нельзя не сознаться, что фигура Поула, какъ фанатика-теоретика, очерчена весьма рельефно. Можно замѣтить только, что въ кампанію 12 года онъ вовсе не принималъ теоріи общеческихъ движеній; у него въ то время была другая: теорія фланговыхъ позицій, которая чуть-чуть не поставила нашу армію въ самое критическое положеніе подъ Дриссою. Не можетъ также не показаться страннымъ убѣжденіе автора въ томъ, что отличительная черта русскаго человѣка состоитъ не только въ незнаніи, но и въ нежеланіи узнать что бы то ни было. Намъ кажется, что это можетъ быть достояніемъ отдѣльныхъ единицъ, но не можетъ быть распространено на весь народъ.

Вообще военная сторона романа высказывается въ двухъ формахъ: во-первыхъ, въ описаніи сценъ военнаго быта войскъ, бивуачнаго и боеваго, и, во-вторыхъ, въ критической оцѣнкѣ военныхъ дѣйствій, въ психологіи и анализѣ войны. Что касается сценъ, то онѣ написаны съ тѣмъ же мастерствомъ и знаніемъ дѣла, какъ и другія произведенія графа Толстаго въ этомъ родѣ: никто не съумѣетъ такъ искусно полусловомъ и намекомъ очертить добродушно-сильную фигуру нашего солдата; но нельзя не замѣтить, что описанія военныхъ сценъ, происходящихъ въ непріятельскомъ лагерѣ, далеко не имѣютъ той силы и жизненной правды, которыми отличаются собственно русскія военныя сцены; видно, что авторъ сроднился и свыкся съ нашею армейскою жизнью, и симпатическій рассказъ его не фальшивитъ ни одною нотой. Громадный организмъ арміи, съ его симпатіями и антипатіями, съ его своеобразною логикою, кажется живымъ, одухотвореннымъ существомъ, жизнь котораго слышна изъ-за множества жизней его составляющихъ. Стоитъ обратить вниманіе читателей на нѣкоторыя чисто-боевыя сцены, рисуемыя графомъ Толстымъ, сцены, въ которыхъ тактическія единицы представляются не мертвою массою, состоящей изъ механически соединенныхъ единицъ, а двигаются и дѣйствуютъ какъ живыя; командиры ихъ служатъ отголоскомъ ихъ мыслей, а иногда направляютъ и руководятъ этими сложными машинами. Между другими картинами особенно живо изображена атака павлоградскихъ гусаровъ въ дѣлѣ при Островнѣ.

..... „Выстроенный эскадронъ стоялъ на дорогѣ. Послышалась команда: „сидись!“ — Солдаты перекрестились и стали садиться. Ростовъ, выѣхавъ впередъ, командовалъ „марш!“ и

выткнувшись въ четыре человека (*), гусары, звуча плещемъ копытъ по мокрой дорогѣ, бряцаньемъ сабель и тихимъ говоромъ, тронулись по большой, обсаженной березами дорогѣ, вслѣдъ за шедшей впереди пѣхотой и батареей.

„Разорванные сине-лиловые тучи, красныя на восходѣ, быстро гнались вѣтромъ. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Ясно виднѣлась та курчавая травка, которая засѣдаетъ всегда по проселочнымъ дорогамъ, еще мокрая отъ вчерашняго дождя; висячія вѣтви березъ, тоже мокрыя, качались отъ вѣтра и роняли въ бокъ отъ себя свѣтлыя капли. Яснѣе и яснѣе обозначались лица солдатъ. Ростовъ ѣхалъ съ Ильинымъ, не отстававшимъ отъ него, стороной между двойнымъ рядомъ березъ.

„Ростовъ въ кампаніи позволялъ себѣ вольность ѣздить не на фронтовой лошади, а на казацкой. И знатокъ, и охотникъ, онъ недавно досталъ себѣ лихую донскую, крупную и добрую игреневую лошадь, на которой никто не обскакивалъ его. Ѣхать для Ростова на этой лошади было наслажденіе. Онъ думалъ о лошади, объ утрѣ, о докторшѣ и ни разу не подумалъ о предстоящей опасности.

„Прежде Ростовъ, идя въ дѣло, боялся; теперь онъ не испытывалъ ни малѣйшаго чувства страха. Не оттого онъ не боялся, что онъ привыкъ къ огню (къ опасности привыкнуть нельзя), но оттого, что онъ выучился управлять своею душою передъ опасностью. Онъ привыкъ, идя въ дѣло, думать обо всемъ, исключая того, что, казалось, было бы интереснѣе всего другаго—о предстоящей опасности. Сколько онъ ни старался, ни упрекалъ себя въ трусости, первое время своей службы онъ не могъ этого достигнуть; но съ годами теперь это сдѣлалось само собою. Онъ ѣхалъ теперь рядомъ съ Ильинимъ между березами, изрѣдка отрывая листья отъ вѣтогъ, которыя попадались подъ руку, иногда дотрогиваясь ногой до паха лошади, иногда отдавая неповорачиваясь докуренную трубку ѣхавшему сзади гусару, съ такимъ спокойнымъ и беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ ѣхалъ кататься. Ему жалко было смотрѣть на взволнованное лицо Ильина, много и безпоявно говорившаго; онъ по опыту зналъ то мучительное состояніе ожиданія страха и смерти, въ которомъ находился корнетъ, и зналъ, что никто кромѣ времени не поможетъ ему. Только-что солнце показалось

(*) Такого строя въ нашей кавалеріи въ настоящее время не существуетъ.

на чистой полосѣ изъ-подъ тучи, какъ вѣтеръ стикъ, какъ будто онъ не смѣлъ портить этого прелестнаго несаѣ грозы лѣтняго утра; капли еще падали, но уже отвѣсно—и все затихло. Солнце вышло совсѣмъ, показалось на горизонтѣ, и исчезло въ узкой и длинной тучѣ, стоявшей надъ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ солнце еще свѣтлѣе показалось на верхнемъ краѣ тучи, разрывая ея края. Все засвѣтилось и заблестѣло. Но вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ, какъ будто отвѣчая ему, раздались впереди выстрѣлы орудій.

„Не успѣлъ еще Ростовъ обдумать и опредѣлить какъ далеко эти выстрѣлы, какъ отъ Витебска прискакалъ адъютантъ графа Остермана-Толстаго съ приказаніемъ идти на рысакъ по дорогѣ.

„Эскадронъ объѣхалъ пѣхоту и батарею, также горопившуюся идти скорѣе, спустился подъ гору, и, пройдя черезъ какую-то пустую безъ жителей деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмыливаться, люди раскраснѣлись.

— „Стой, равняйся!“ послышалась впереди команда дивизионера. „Лѣвое плечо впередъ, шагомъ маршъ!“ скомандовали впереди. И гусары по линіи войскъ прошли на лѣвый флангъ позиціи, и стали позади нашихъ улановъ, стоявшихъ въ первой линіи. Справа стояла наша пѣхота густой колонной: это были резервы; но выше ея на горѣ видны были на чистомъ воздухѣ, въ утреннемъ, косомъ и яркомъ освѣщеніи, на самомъ горизонтѣ, наши пушки. Впереди за лоциной видны были непріятельскія колонны и пушки. Въ лоцинѣ слышна была наша цѣпь, уже вступившая въ дѣло и весело перещелкивающаяся съ непріателемъ.

„Ростову, какъ отъ звуковъ самой веселой музыки, стало весело на душѣ отъ этихъ звуковъ, давно уже неслышанныхъ. Трапъ-та-та-тапъ! хлопали то вдругъ, то быстро одинъ за другимъ, нѣсколько выстрѣловъ. Опять замолкло все, и опять какъ будто трескались хлопнушки, по которымъ ходилъ кто-то.

„Гусары простояли около часу на одномъ мѣстѣ. Началась и канонада. Графъ Остерманъ съ свитой проѣхалъ сзади эскадрона, остановившись поговорилъ съ командиромъ полка и отъѣхалъ къ пушкамъ на гору.

„Всхлѣдъ за отъѣздомъ Остермана, у улановъ послышалась команда: „Въ колонну къ атакѣ стройся!“ Пѣхота впереди ихъ взводила взводы, чтобы пропустить кавалерію. Уланы трону-

лись, колеблись флюгерами и въ и на рысках пошли подъ гору на французскую кавалерію, показавшуюся подъ горой въambo.

„Какъ только уланы сошли подъ гору, гусарамъ велѣно было подвинуться въ гору, въ прикрытіе къ батареѣ. Въ то время, какъ гусары становились на мѣсто улановъ, изъ цѣпи пролетѣли, визжа и свистя, далекія, не понадавшія пули.

„Давно неслышанный этотъ звукъ еще радости и возбужденіи подѣйствовалъ на Ростова, чѣмъ прежніе звуки стрѣльбы. Онъ выпрямившись разглядывалъ поле сраженія, открывавшееся съ горы, и всей душой участвовалъ въ движеніи улановъ. Уланы близко налетѣли на французскихъ драгуновъ, что-то спуталось тамъ въ дыму, и черезъ пять минутъ уланы понесли назадъ не изъ тому мѣсту, гдѣ они стояли, но лѣвѣе. Между ранжевными уланами на рыжихъ лошадяхъ и позади ихъ, большой кучей, видны были синіе французскіе драгуны на сѣрыхъ лошадяхъ.

„Ростовъ своимъ зоркимъ охотничьимъ глазомъ одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгуновъ, преслѣдующихъ нашихъ улановъ. Ближе, ближе подвигались разстроенными толпами уланы и французскіе драгуны преслѣдующіе ихъ. Уже можно было видѣть, какъ эти, казавшіеся подъ горой маленькими, люди сталкивались, нагоняли другъ друга и махали руками и саблями.

„Ростовъ какъ на травлю смотрѣлъ на то, что дѣлалось передъ нимъ. Онъ чутьемъ чувствовалъ, что, ежели ударить съ гусарами на французскихъ драгуновъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ уже поздно. Онъ оглянулся вокругъ себя. Ротмистръ, стоя подлѣ него, точно также не спускалъ глазъ съ кавалеріи внизу.

— „Андрей Севастьянычъ“ — сказалъ Ростовъ — „вѣдь мы ихъ сомнемъ.“

— „Дихая бы штука!“ — сказалъ ротмистръ. — „А въ самомъ дѣлѣ...“

„Ростовъ, не дослушавъ его, толкнулъ лошадь, выскакавъ впередъ эскадрона и не успѣлъ онъ еще скомандовать движеніе, какъ весь эскадронъ, испытавшій то же что и онъ, тронулся за нимъ.

„Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ.

Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая. Онъ видѣлъ, что драгуны близко, что они скачутъ, разстроены; онъ зналъ, что они не выдержатъ; онъ зналъ, что была только одна минута, которая не воротится, ежели онъ упустилъ ее. Пули такъ возбуждительно визжали и свистѣли вокругъ него, лошадь такъ горячо просилась впередъ, что онъ не могъ выдержать. Онъ тронулъ лошадь, скомандовалъ въ то же мгновеніе, услыхавъ за собой звукъ топота своего развернутаго эскадрона, и на полныхъ рысяхъ сталъ спускаться къ драгунамъ подъ гору. Едва они сошли подъ гору, какъ неволью ихъ алжуръ рыси перешелъ въ галопъ, становившійся все быстрѣе и быстрѣе, по мѣрѣ того какъ они приближались къ своимъ уланамъ и скакавшимъ за ними французскимъ драгунамъ. Драгуны были близко; передніе, увидавъ гусаровъ, стали поворачивать назадъ, задніе приостанавливаться. Съ чувствомъ, съ которымъ онъ несся на перерѣзъ волгу, Ростовъ, выпустивъ во весь махъ своего донца, скакалъ на перерѣзъ разстроеннымъ рядомъ французскихъ драгуновъ. Одинъ уланъ остановился, одинъ пѣшій припалъ къ землѣ, чтобы его не раздавили, одна лошадь безъ сѣдока замѣшалась съ гусарами. Почти всѣ французскіе драгуны скакали назадъ. Ростовъ, выбравъ себѣ одного изъ нихъ на сѣрой лошади, пустился за нимъ. По дорогѣ онъ налетѣлъ на кустъ: добрая лошадь перенесла его черезъ него, и, едва справясь на сѣдлѣ, Николай увидалъ, что онъ черезъ нѣсколько мгновеній догонитъ того непріятеля, котораго онъ выбралъ своей цѣлью. Французъ этотъ, вѣроятно офицеръ по его мундиру, согнувшись скакалъ на своей сѣрой лошади, саблей подгоняя ее. Черезъ мгновеніе лошадь Ростова ударила грудью въ задъ лошади офицера, чуть не сбива его съ ногъ, и въ то же мгновеніе Ростовъ, самъ не зная зачѣмъ, поднялъ саблю и ударилъ ею по французу“.

Читатели согласятся, что эта сцена мастерски схвачена и ярко обрисована; но мы не можемъ удержаться, чтобы не сказать о ней нѣсколько словъ. Она служитъ автору одной изъ множества подпорокъ проводимой имъ теоріи, состоящей въ томъ, что на войнѣ все дѣлается само собою, что личныя качества начальниковъ значатъ весьма мало въ горячемъ дѣлѣ. Дѣйствительно, атака павлоградскихъ гусаровъ рассказана такъ, какъ будто все случилось само собою:

ясное утро, лихой конь и охотничьи замаши вызвали Ростова на попытку; его расположение духа, вследствие какой-то невидимой связи, передалось его эскадрону и атака была мгновенно задумана и сейчас же исполнена. Намъ кажется, что Ростовъ обладалъ многими другими качествами, которыя хотя не выставлены на первый планъ авторомъ, но тѣмъ не менѣе существовали, и они, только они одни, и были главною причиною успѣшной атаки и *всегда* необходимы для нея. Ростовъ былъ отличный кавалеристъ, лихой наѣздникъ, зналъ солдата потому, что провелъ съ нимъ пять лѣтъ бивуачной и боевой жизни, имѣлъ вѣрный глазъ, боевую опытность, позволявшую его сердцу биться ровно при опасности, а главное былъ увѣренъ въ успѣхъ и въ превосходствѣ предъ неприятелемъ. Эти качества столь сложныя суть необходимыя условія успѣха, и ихъ можно найти въ любомъ учебникѣ, перечисляющемъ качества нужныя кавалерійскому офицеру. Ихъ сложность говорить ясно, какъ трудно образованіе боеваго офицера. Конечно, лучшая школа въ этой наукѣ будетъ бой; но за неимѣніемъ его все-таки можно и въ мирное время развить хотя нѣкоторыя изъ сказанныхъ качествъ цѣлесообразнымъ воспитаніемъ войскъ. Ростовъ былъ отчасти подготовленъ охотою къ такой дѣятельности; но охота не составляетъ исключительнаго пути ведущаго къ этой цѣли; любовь къ коню и къ своему дѣлу можно развить иначе, нежели какъ она развивается и поддерживается у народовъ богатыхъ лошадьми и занимающихся ихъ разведеніемъ. Однимъ словомъ: не само собою дѣлается дѣло въ бою, а вследствие множества причинъ, которыхъ всѣ перечислить нельзя; но чѣмъ болѣе ихъ будетъ высказано, тѣмъ яснѣе представится дѣло, тѣмъ легче по составнымъ частямъ добраться до цѣлаго — понятія объ успѣхѣ.

Вообще отдѣльныя военныя сцены, несмотря на нѣкоторую ложность освѣщенія, проявляютъ силу таланта графа Толстаго. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются тѣ мѣста романа, гдѣ авторъ является цѣнителемъ историческихъ событій и крупныхъ стратегическихъ соображеній, гдѣ, оставляя описательную почву, онъ переходитъ къ умозрѣніямъ и философіи. Исходя изъ того положенія, что историческія событія совершаются фаталистически, что ихъ нельзя ни оправдать, ни объяснить, что никто не можетъ предвидѣть того направленія, которое они примутъ, и поэтому никто не можетъ

ни мѣшать, ни содѣйствовать ихъ выполненію, гр. Толстой говоритъ: „Наполеонъ началъ войну съ Россіею потому, что онъ не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться предпримчивому впечатлѣнію іюньскаго утра, не могъ воздержаться отъ вспышки гнѣва въ присутствіи Куракина, потомъ Балашева“. Затѣмъ авторъ перечисляетъ многихъ дѣятелей этой эпохи и доказываетъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ въ виду громадность совершающагося событія, не могъ на него вліять, а дѣйствовалъ на основаніи своихъ личныхъ соображеній, расчетовъ, ощущеній. Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, рассуждали, полагая, что они знаютъ то, что они дѣлаютъ, и что дѣлаютъ для себя, а всѣ были произвольными орудіями исторіи, исполнявшими непонятное для нихъ дѣло. Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ автора, отрицающимъ совершенно вліяніе индивидуума на ходъ событія. Конечно, личность, какъ бы она ни была сильна, не можетъ измѣнить значенія цѣлой исторической эпохи, въ продолженіе которой жизнь народовъ обуславливалась совокупностью большаго числа обстоятельствъ; но такое представленіе о ничтожности личности мы получимъ лишь въ томъ случаѣ, когда отнесемъ отъ данной эпохи на слишкомъ отдаленную точку, на такую, напримеръ, съ которой мы можемъ смотрѣть на римскую имперію, во времена ея паденія; при болѣе же близкомъ отношеніи къ событію, всегда окажется, что личности играли весьма важную роль: одніе становились поперекъ движенія и частію погибали, частію замедляли движеніе; другія, овладѣвая имъ, сообщали ему форму согласную съ ихъ индивидуальными особенностями, ускоряли совершеніе событія и даже могли измѣнить въ частностяхъ его направленіе. Желаніе автора доказать, что „ничто не причина“, приводитъ его нерѣдко къ противорѣчіямъ. Такъ, рассуждая о нашествіи Наполеона, онъ говоритъ: „Теперь намъ ясно, что было въ 1812 году *причиной* гибели французской арміи. Никто не станетъ спорить, что *причиной* гибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приготовленій къ зимнему походу, въ глубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ русскомъ народѣ. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что теперь кажется

очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами русской арміи. *Не только никто не предвидѣлъ* этого, но всѣ усилія *со стороны русскихъ* были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшкать тому, что одно могло спасти Россію, и *со стороны французозъ*, несмотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что должно было погубить ихъ.

„Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812 годѣ гг. авторы-французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтывали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобные доводы, доказывающіе, что тогда уже понятна была опасность кампаніи; а авторы русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ свисской войны заманиванья Наполеона въ глубь Россіи, и приписываютъ этотъ планъ кто Паулю, кто какому-то французу, кто Толю, кто самому императору Александру, указывая на записки, на проекты и письма, въ которыхъ дѣйствительно находятся намеки на этотъ образъ дѣйствій. Но всѣ эти намеки на предвидѣнье того, что случилось, какъ со стороны французозъ, такъ и со стороны русскихъ, выставляются теперь только потому, что событіе оправдало ихъ. Ежели бы событіе не совершилось, то намеки эти были бы забыты, какъ забыты теперь тысячи и милліоны противоположныхъ намековъ и предположеній, бывшихъ въ ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми, и потому забытыхъ. Объ исходѣ каждаго совершающагося событія всегда бываетъ столько предположеній, что, чѣмъ бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажутъ: „Я тогда еще сказалъ, что это такъ будетъ“, забывая совсѣмъ, что въ числѣ безчисленныхъ предположеній были дѣлаемы и совершенно противоположныя. Предположенія о сознаніи Наполеономъ опасности растяженія линіи и со стороны русскихъ о завлеченіи непріятеля въ глубь Россіи принадлежить очевидно къ этому разряду, и историки только съ большою натяжкой могутъ приписывать такія сообщенія Наполеону и такіе планы русскимъ воена-

чальнинамъ. Всѣ факты совершенно противорѣчатъ такимъ предположеніямъ. Не только во все время войны, со стороны русскихъ не было желанія заманить французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію, и не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ, и очень лѣниво, не такъ какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія“.

Къ такимъ выводамъ приходитъ графъ Толстой, опираясь на тѣ же источники, которые привели историковъ къ результатамъ діаметрально противоположнымъ. Это противорѣчіе происходитъ оттого, что графъ Толстой заподозрѣваетъ не только историковъ, но и самые источники, служащіе имъ основаніемъ въ неизбѣжной и непроизвольной лжи, и, лишая себя такимъ образомъ всякой внѣшней опоры, пытается воспроизвести событія съ помощію одного художественнаго чутія, подкрѣпленнаго личнымъ воззрѣніемъ на войну, составившимся вслѣдствіе собственнаго опыта и тѣхъ, быть можетъ, исключительныхъ условій, въ которыхъ находился авторъ. На сколько можетъ быть вѣрно такое изображеніе историческихъ событій, судить трудно: надо подвергнуть его строгой и безпристрастной критической оцѣнкѣ, или повѣрить на слово художественному таланту графа Толстаго, который, встаетъ замѣтить, въ этихъ мѣстахъ романа не имѣетъ своей обычной силы. Да и нѣтъ возможности, однимъ взмахомъ кисти, изобразить крупное историческое событіе такъ же легко, какъ клочекъ боеваго поля или сцену у бивуачнаго костра. Что же касается до самыхъ выводовъ, высказываемыхъ графомъ Толстымъ, то они или не полны, или даже совсѣмъ не вѣрны. Принужденный указать на причины неблагоприятнаго для Наполеона исхода кампаніи, вопреки основному своему положенію, что „ничто не причина“, авторъ приводитъ только нѣкоторые изъ нихъ, упуская изъ виду тѣ, которыя имѣли непосредственное и сильное вліяніе на результатъ кампаніи. Не только позднее время года и народная война были причиною пораженія французскихъ войскъ: исходъ кампаніи весьма много зависѣлъ также и отъ несоразмѣрнаго количества войскъ, введенныхъ въ Россію, и отъ неопредѣленности стратегической цѣли, и отъ случайнаго исхода сраженія подъ Смоленскомъ и Бородинымъ, и отъ необыкновенной стойкости нашихъ войскъ.

Вотъ въ чемъ скрывался зародышъ пораженія французовъ, вотъ тѣ главныя причины, которыя достаточно перечислить, чтобы уразумѣть вполне исходъ кампаніи. Точно также нельзя согласиться съ заключеніями автора объ образѣ дѣйствій обѣихъ сторонъ въ первый періодъ кампаніи. Что до нашей арміи, то она дѣйствительно не имѣла опредѣленнаго плана и дѣйствовала повинуваясь силѣ обстоятельствъ: при началѣ кампаніи, когда мы были застигнуты врасплохъ вторженіемъ Наполеона, наши войска, какъ извѣстно, были разбросаны по границѣ и первою цѣлю имѣли возможно-скорѣйшее сосредоточеніе, что совершилось только подъ Смоленскомъ; затѣмъ, когда армія и народъ потребовали отпора, пришлось выбрать позицію, каковая представилась только подъ Бородиномъ. До Бородина безостановочное наступленіе Наполеона не дало ни на минуту вздохнуть нашимъ войскамъ и привести въ исполненіе какой бы то ни было планъ; приходилось ограничиться чисто-пассивными мѣрами и заботиться лишь о томъ, чтобы не подвергнуться отдѣльному пораженію. Ничего подобнаго нельзя сказать о Наполеонѣ: онъ имѣлъ опредѣленный планъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ искалъ боя, что видно изъ его распоряженій подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Лубиномъ; если онъ и останавливается иногда и прекращаетъ на нѣкоторое время наступленіе, то остановка эта никоимъ образомъ не можетъ показаться медлительностію всякому, кто припомнитъ, что значить двигать по одному направленію 300-тысячную армію на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, кто припомнитъ, что отъ этого движенія (отъ Вильны до Смоленска) Наполеонъ, не выигравъ ни одного сраженія, потерялъ 100,000 человекъ отсталыхъ, больныхъ, мародеровъ и т. д. Наполеонъ очень хорошо понималъ всю опасность движенія внутрь Россіи, но онъ былъ увлекаемъ съ перехода на переходъ надеждою, что русскіе примутъ бой, въ исходъ котораго онъ не сомнѣвался; призракъ побѣды былъ слишкомъ близокъ: казалось, стоило сдѣлать одинъ шагъ, чтобы обратить его въ желаемую дѣйствительность, и надо было имѣть деревянное благоразуміе, чтобы не увлечься и не сдѣлать этого шага.

Въ доказательство того, что Наполеонъ не только понималъ опасность растяженія своей операціонной линіи, но даже рассчитывалъ на дурной исходъ дѣлъ по взятіи Москвы, можно привести его инструкцію маршалу Виктору, оставленному въ

тылу арміи, при движеніи ея отъ Смоленска къ Москвѣ. „L'armée du duc de-Bellune forme la réserve de l'armée de Moscou. Je puis ne pas trouver la paix où je vais la chercher. Mais alors, appuyé sur une réserve aussi forte et aussi bien postée, ma retraite se ferait avec sécurité et rien ne saurait la précipiter“ (*).

Приступая къ описанію бородинскаго сраженія, крупнѣйшаго факта всей кампаніи, авторъ прежде всего задаетъ вопросъ: „для чего былъ данъ бородинскій бой?“ и отвѣчаетъ, что ни для французовъ, ни для русскихъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго смысла. „Ежели бы полководцы руководились разумными причинами, то для Наполеона должно было быть совершенно ясно, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принявъ сраженіе съ вѣроятной случайностію потери четверти арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель; съ другой стороны, Кутузовъ, принимая сраженіе и тоже рискуя потерять четверть арміи, съ такою же ясностію долженъ былъ предвидѣть потерю Москвы“.

„Для Кутузова—говоритъ авторъ—это было даже математически ясно, какъ ясно то, что если въ шашкахъ у меня меньше одной шашкой и я буду мѣняться, я навѣрно проиграю, и потому не долженъ мѣняться“.

„А между тѣмъ, умный и опытный Кутузовъ принялъ сраженіе. Наполеонъ же, гениальный полководецъ, какъ его называютъ, далъ сраженіе, послѣ котораго долженъ былъ еще болѣе растянуть свою линію. Ежели скажутъ, что, занявъ Москву, онъ думалъ, какъ занятіемъ Вѣны, кончить кампанію, то противъ этого есть много доказательствъ. Сами историки Наполеона рассказываютъ, что еще отъ Смоленска онъ хотѣлъ остановиться, зналъ опасность своего растянутаго положенія, и зналъ, что занятіе Москвы не будетъ концемъ кампаніи, потому что отъ Смоленска онъ видѣлъ, въ какомъ положеніи оставались ему русскіе города, и не получалъ ни одного отвѣта на свои неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры“. Авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

„Давая и принимая бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили произвольно и бессмысленно. А историки подъ совершившіеся факты, уже потомъ, подвели хитро-смелые

(*) „Корпусъ герцога Белюнскаго составилъ резервъ арміи двинувшейся къ Москвѣ. Я могу не найти мира тамъ, гдѣ я его ожидаю. Сильный и хорошо расположенный резервъ можетъ на всякій случай обезпечить мое отступленіе, которое совершится тогда въ совершенномъ порядкѣ“. Такимъ образомъ Наполеонъ предвидѣлъ не только трудности похода, но и его неудачу.

твенныя доказательства предвидѣнія и гениальности полководцевъ, которые изъ всѣхъ произвольныхъ орудій мировыхъ событій были самыми рабочими и произвольными дѣятелями*.

Нельзя не остановиться на этихъ выводахъ графа Толстаго: они далеко не кажутся намъ такъ математически ясны, а, напротивъ, отзываются односторонностью, и, скажемъ болѣе, незнакомствомъ автора съ элементами, изъ которыхъ слагается военное дѣло. Прилагая къ дѣлу разсужденіе автора о сраженіяхъ, данныхъ съ одинаковою потерею при неравенствѣ силъ, можно пожалуй подумать, что всякій оборонительный бой, стоящій именно въ такихъ условіяхъ—есть негѣпость. Но военному человеку должно быть извѣстно, что потери въ сраженіяхъ оцѣниваются не столько убылью людей, сколько убылью нравственнаго духа арміи. Если съ этой точки зрѣнія посмотреть на бородинское сраженіе, то потери далеко не окажутся равными съ обѣихъ сторонъ и, несмотря на вѣщую побѣду, будутъ гораздо чувствительнѣе для французской арміи, чѣмъ для нашей. Кромѣ того, Кутузовъ могъ разсчитывать на мѣстность, которая всегда, а также и въ этомъ случаѣ, на сторонѣ обороняющагося. Дѣйствительно, потери французовъ до четырехъ часовъ, т. е. до занятія семеновскихъ флешей, были несравненно значительнѣе нашихъ; лишь послѣдній періодъ боя уравнилъ потери. Разсматривая далѣе доводы графа Толстаго, невольно наталкиваешься на слѣдующіе вопросы: почему Наполеонъ и Кутузовъ должны были разсчитывать оба на пораженіе и на потерю $\frac{1}{4}$ арміи? Почему они должны были упредить событія и знать заранѣе результатъ боя? Намъ кажется, что если поставить себя въ дѣйствительное положеніе полководцевъ передъ сраженіемъ, то увидимъ, что со стороны Наполеона было болѣе чѣмъ достаточно оснований для того, чтобы дать бой, котораго онъ искалъ съ самой границы, что высказывается въ его распоряженіяхъ до бородинскаго боя и въ его первомъ вопросѣ въ день сраженія при Бородинѣ: стоятъ ли русскіе на прежнихъ мѣстахъ? Этимъ боемъ рѣшалась не участь Москвы, но, еще болѣе, участь арміи, и на нерѣшительный его исходъ не было никакой возможности разсчитывать. Что же касается Кутузова, то онъ, правда, принялъ бой не произвольно, а по требованію и настоянію не только арміи, но и всего народа, который требовалъ отпора врагу, проникнувшему въ глубь родной страны.

Это несколько не противоречит исторіи: она может указать не одинъ примѣръ, когда полководцу приходится подчиняться различнымъ влияніямъ; но возводитъ исключенія на степень общаго правила нѣтъ никакой надобности. Затѣмъ, отвѣчая на другой вопросъ, именно о томъ, какъ дано было бородинское сраженіе, авторъ говоритъ, что историки описываютъ его слѣдующимъ образомъ: „Русская армія *будто бы*, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска, отыскивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и таковая позиція была найдена *будто бы* у Бородина. Русскіе, *будто бы*, укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе. Впередѣ этой позиціи *будто бы* былъ выставленъ для наблюденія за непріятелемъ укрѣпленный передовой постъ на Шевардинскомъ курганѣ. 24-го, *будто бы* Наполеонъ атаковалъ передовой постъ и взялъ его; 26-го же атаковалъ всю русскую армію, стоявшую на позиціи на бородинскомъ полѣ“.

Во всемъ этомъ, по мнѣнію автора, нѣтъ ни одного слова правды: русскіе не отыскивали лучшей позиціи, а, напротивъ, въ отступленіи своемъ прошли много позицій, которыя были лучше бородинской; Шевардинскій редутъ, впередѣ той позиціи, на которой принято сраженіе, не имѣетъ смысла, ибо для наблюденія за непріятелемъ достаточно было *казацкаго разьѣзда*. Сами начальники сгоряча послѣ сраженія называютъ Шевардинскій редутъ лѣвымъ флангомъ и только послѣ, для оправданія распоряженій главнокомандующаго, онъ названъ передовымъ пунктомъ. Позиція не была выбрана заблаговременно и не была укрѣплена.

Дѣло же, по мнѣнію автора, очевидно было такъ: „Позиція была избрана по рѣкѣ Колочѣ, пересѣкающей дорогу не подъ прямымъ, а подъ острымъ угломъ, такъ что лѣвый флангъ былъ въ Шевардинѣ, правый около селенія Новаго и центръ въ Бородинѣ, при слияніи рѣкъ Колочи и Войны. Позиція эта, подъ прикрытіемъ рѣки Колочи, для арміи, имѣющей цѣлью остановить непріятеля, движущагося по смоленской дорогѣ къ Москвѣ, *очевидна для всякаго*, кто посмотритъ на бородинское поле, забывъ о томъ какъ произошло сраженіе“.

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіею, а тѣмъ болѣе съ документами этой войны, легко замѣтитъ на сколько такое опи-

саніе уклоняется от истины и на сколько вѣрны догадки автора, возводимыя имъ на степень достовѣрнаго факта. Известно, что русскіе искали позиціи, потому что отступить до Москвы, не давши отпора, казалась невозможнымъ ни русскому солдату, ни русскому народу. Еще отъ Смоленска Барклаемъ были посланы офицеры генеральнаго штаба для отысканія позиціи по смоленско-московской дорогѣ. Такихъ позицій избрано было три: при Усвятѣ, у Дорогобужа и у Царева-Займища; на каждой изъ нихъ русскія войска останавливались, устраивались, но рѣшительнаго боя не давали, частію по недостатку позицій выяснявшимся при ближайшемъ знакомствѣ, а больше всего по недовѣрію къ Барклаю и вслѣдствіе раздора существовавшаго между нимъ и Багратиономъ. Позиція у Царева-Займища, избранная Барклаемъ, оказалась неудобною въ глазахъ Кутузова, который уже тогда имѣлъ въ виду бородинское поле, потому что еще 20-го августа, тотчасъ по принятіи начальства надъ всѣми арміями, онъ писалъ Чичагову и Тормасову о намѣреніи своемъ принять генеральное сраженіе у *Можайска*. (Предписаніе генералу-отъ-инфантеріи Тормасову, отъ 20-го августа, за № 47, и отношеніе адмиралу Чичагову, отъ того же числа за № 48.) Выбрать удобную позицію для стотысячной арміи, дѣло вообще нелегкое, особенно если принять во вниманіе общій характеръ той мѣстности, представлявшей или равнины, не дающія никакихъ опорныхъ пунктовъ и закрытій для войскъ, или большія лѣсистыя пространства, во всѣхъ отношеніяхъ неудобныя для боя.

Что касается до укрѣпленій на бородинской позиціи, то признано уже давно несомнѣннымъ фактомъ, что позиція не была укрѣплена. Постройка укрѣпленій началась вечеромъ 25-го августа (наканунѣ сраженія), такъ что почти ни одно изъ нихъ не было окончено и не представляло въ матеріальномъ смыслѣ почти никакихъ затрудненій для непріятеля.

Что же касается до предположенія графа Толстаго о томъ, что первоначальная позиція (24-го августа) при Бородинѣ, слѣдуя по теченію Колочи, упиралась лѣвымъ флангомъ въ Шевардино, то несмотря на всю странность этой позиціи въ стратегическомъ смыслѣ—ибо войска, расположенныя на ней, стояли флангомъ къ французамъ—надо признаться, что догадка графа Толстаго основывается на документахъ, и притомъ на документахъ довольно вѣснихъ. О Шевардинѣ, въ смыслѣ лѣваго фланга,

можно найти даже въ подлинной диспозиціи Кутузова на 24-е августа; тоже видно изъ его донесенія государю и изъ донесенія Сиверса Кутузову о шевардинскомъ дѣлѣ. Историки кампаніи 12-го года не упускаютъ изъ вида этихъ обстоятельствъ, даже называютъ Вистицкаго, генераль-квартирмейстера западныхъ армій, избравшаго такое направленіе для лѣваго фланга арміи, но не даютъ должнаго значенія этому факту, который, кажется, дѣйствительно долженъ быть освѣщенъ подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ указываетъ его графъ Толстой. Но, вслѣдъ затѣмъ, увлекаясь по скользкой дорогѣ отрицанія, графъ Толстой говоритъ, что вообще занятіе пунктовъ впереди позиціи не имѣетъ смысла и что для наблюденія за неприятелемъ будто бы достаточно *казацьяго развѣзда*. Съ такимъ мнѣніемъ, разумѣется, нельзя согласиться. Передовые пункты позиціи занимаются съ цѣлью раскрытія силъ и направленія противника и примѣры занятія такихъ пунктовъ встрѣчаются въ военной исторіи нерѣдко; казачій развѣздъ, безъ сомнѣнія, не можетъ замѣнить передоваго пункта, по той простой причинѣ, что движеніе большихъ армій прикрывается не какимъ-нибудь кавалерійскимъ развѣздомъ, а цѣлыми кавалерійскими корпусами, составляющими непроницаемую завѣсу, за которою движется армія: чтобы узнать, что дѣлается за этою завѣсою, надо поставить серьезное препятствіе неприятелю и принудить его развернуть и показать свои силы. Вообще надо помириться съ фактомъ, что свѣдѣнія на войнѣ, особенно свѣдѣнія вѣрныя, добываются не иначе, какъ своими боками. Какое бы значеніе ни имѣлъ Шевардинскій редутъ по диспозиціи и предположеніямъ главнокомандующаго, но на самомъ дѣлѣ, въ бою 24-го августа, онъ игралъ вполнѣ роль передоваго пункта. Бой на этомъ мѣстѣ, отдаленномъ почти на двѣ версты отъ главной позиціи, имѣлъ совершенно частный характеръ; войскъ участвовало въ немъ немного (14 баталіоновъ, 38 эскадроновъ); поддержаній изъ главнаго резерва не было; но бой достигъ своей цѣли, открылъ направленіе, въ которомъ слѣдовало ожидать атаки, и побудилъ фельдмаршала принять для этого мѣры.

Бородинское сраженіе, по громадности участвовавшихъ въ немъ войскъ и по обширности боевой сцены, само собою разумѣется, не укладывается въ узкія рамки романа; поэтому нечего и искать у графа Толстаго описанія боя во всей полнотѣ и со всею послѣдовательностью событій. Авторъ ограни-

чивается лишь некоторыми моментами, взятыми на весьма небольшомъ пространствѣ, и сосредоточиваетъ на нихъ интересъ читателей. Надобно сказать, что эти выдержки изъ великой трагедіи, разыгравшейся на бородинскомъ полѣ, очерчены авторомъ весьма искусно, съ значіемъ дѣла, и совершенно охватываютъ читателя своею боевою атмосферою. Таково описаніе боя на мѣстѣ, получившемъ впоследствии названіе курганной батареи, или батареи Раевского у русскихъ, и названіе *la redoute du centre, la grande redoute, la fatale redoute* у французовъ.

„Курганъ, на который вошелъ Пьеръ (*), былъ то знаменитое мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей, и которое французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

„Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ грехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

„Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, гоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска.

„Входя на этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто зъ сраженія.

„Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

„Взойдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею, и съ безсознательно-радостной улыбкой смотрѣлъ на то, что дѣлалось вокругъ него.

„Ирѣдка Пьеръ, все съ той же улыбкою, вставалъ и, стараясь не помѣшать солдатамъ, заряжавшимъ и накалывавшимъ орудія, безпрестанно пробѣгавшимъ мимо его съ сумками и ярядами, прохаживался по батарее. Пушки съ этой батареи непрерывно одна за другой стрѣляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховымъ дымомъ.

„Въ противоположность той жуткости, которая чувствова-

(*) Пьеръ, князь Безуховъ, участвовавшій въ бородинскомъ сраженіи какъ доброволецъ.

лась между грѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь, на батарее, гдѣ небольшое количество людей занятых дѣломъ было ограничено, отдѣлено отъ другихъ канавой, здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное оживленіе.

„Появленіе не-военной фигуры Пьера въ бѣлой шляпѣ, сначала неприятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо его, удивленно и даже испуганно коснулись на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій, съ длинными ногами, робкой человѣкъ, какъ будто для того, чтобы посмотреть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

„Молоденькій, круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только-что выпущенный изъ корпуса, распорядясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру:

— „Господишь, позвольте намъ попросить съ дороги“ — сказалъ онъ ему — „здѣсь нельзя.“

„Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурнаго, но или смиренно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкой улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батарее подъ выстрѣлами, такъ же спокойно какъ по бульвару, тогда чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутовское участіе, подобное тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ, собакамъ, пѣтухамъ, и вообще животнымъ, живущимъ при-воинскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище. „Нашъ баринъ“ прозвали его, и про него ласково смѣялись между собою.

„Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ пылью, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право — обратился къ Пьеру краснорочій широкій солдатъ, оснащая крикомъ, бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься? спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же — отвѣчалъ солдатъ — вѣдь она не ползаетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не браться, сказалъ онъ смѣясь.

„Нѣсколько солдатъ съ веселыми и довольными лицами оставились подлѣ Пьера. Они какъ будто не ожидали того, чтобы онъ говорилъ какъ всѣ, и это открытіе радовамо ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно. Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ! — крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ. — Молоденькій офицеръ этотъ видимо исполнялъ свою должность въ первый или во второй разъ, и потому съ особенной отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами.

„Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ гдѣ были елени Багратиона, но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста гдѣ былъ Пьеръ, вѣдая было почти ничего видѣть. Притомъ наблюденія за тѣмъ, какъ бы семейнымъ (отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батарее, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безосознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этого одиноко-лежащаго солдата на дугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружающія его лица.

„Къ десяти часамъ уже человекъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды, и закатали, жужжа и свистя, дальнія дуги. Но люди бывшіе на батарее какъ будто не замѣчали этого: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиванка! кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату. — Не сюда! Къ пѣхотнымъ!... съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попалъ въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая? свистѣла другой солдатъ на присѣдающаго мужика подлѣ пролетѣвшихъ ядромъ.

„Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣпь сняли, видишь, назадъ прошли, говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди, крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ. Назадъ прошли, значитъ назадъ дѣло есть. — И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его впередъ. Послышался хохотъ.

чивался къ Пьеру. Лице старшаго офицера было красно и потно; нахмуренные глаза блестѣли. — Бѣги къ резерву, проводи ящичи! крикнулъ онъ солдату. „Я пойду“, сказалъ Пьеръ. Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону. — Не стрѣлять.... Выждидай! кричалъ онъ.

„Солдату, которому приковано было идти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ. — „Экъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ“, сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ. Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ. Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударилось впередъ, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. „Куда я?“ вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящичкамъ. Онъ остановился въ нерѣшимости, идти ли ему или вернуться. Вдругъ страшный толчекъ откинулъ его назадъ на землю. Въ то же мигновеніе блескъ большаго огня освѣтилъ его и въ то же мигновеніе раздался оглушающій, зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

„Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на задѣ, опираясь руками о землю; ящичи, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленыя обожженные доски, тряпки, на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобеля, прескакала отъ него, а другая, такъ же какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала?“

Въ романѣ графа Толстаго, на сколько неудовлетворительно собственно военно-историческая сторона, грѣшащая зачастую своими выводами, на сколько сильна и мастерски исполнена сторона описательная, въ которой, благодаря знакомству автора съ русскимъ солдатомъ и русскимъ человекомъ вообще, съ поразительною ясностью обрисовываются основныя черты нашего народнаго характера. Но кромѣ оригинальнаго взгляда на исторію войны 1812 года, авторъ высказываетъ не менѣе своеобразный взглядъ свой на военное дѣло, затрогивая самыя важныя и интересныя вопросы и безапелляционно разрѣшая, согласно своимъ воззрѣніямъ, самую суть военнаго дѣла. Ошибки этого психологическаго анализа войны такъ важны, что мы считаемъ необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что философская почва вообще гораздо удобнѣе для разнаго рода софизмовъ, нежели почва историческая. Историческіе выводы гр. Толстаго основываются на источникахъ извѣстныхъ и открытыхъ для всѣхъ, новизна

результатовъ, получаемыхъ авторомъ, зависить только отъ группировки фактовъ и освѣщенія ихъ подъ известнымъ угломъ, такъ что желающій можетъ провѣрить справедливость сказанныхъ результатовъ, хотя вѣтъ сомнѣнй и въ томъ, что, при увлекательномъ талантѣ гр. Толстаго, большинство приметъ его выводы безъ критической оцѣнки, на вѣру, и высказанныя имъ мнѣнйя сдѣлаются ходячими мнѣнйями большинства невоеннаго общества. Что же касается до психологическаго анализа войны и боя, до той военной теорйи автора, которая даетъ общйй ключъ къ разрѣшеню всѣхъ военныхъ вопросовъ, которая легко можетъ быть усвоена каждымъ, и такъ удобна для дилетантовъ своимъ отрицательнымъ направлениемъ, дающимъ право утверждать, что на войнѣ и въ бою все дѣлается само собою и не зависитъ отъ усилйя начальниковъ, которые *будто бы* расоряжаются боемъ, а въ сущности лишь подчиняются его перипетямъ, то, несмотря на всю свою ложность, эта теорйя не такъ легко можетъ быть провѣрена публикою, какъ историческйе выводы автора.

Основная мысль автора высказывается словами любимаго его героя князя Андрея Болконскаго, въ разговорѣ его съ Пьеромъ Безухимъ, наканунѣ бородинской битвы. Отозвавшись весьма насмѣшливо о достоинствѣ Барклая какъ полководца, князь Андрей говоритъ, что онъ даже не понимаетъ, что такое значить искусный полководецъ, и что если въ шахматной игрѣ невозможно предвидѣть всѣхъ случайностей, гдѣ надѣясь каждамъ ходомъ можно думать сколько угодно, гдѣ конь всегда да сильнѣе пѣшки, гдѣ двѣ пѣшки всегда сильнѣе одной, то что же можно сказать о войнѣ, гдѣ баталйонъ иногда сильнѣе дивизйи, а иногда слабѣе роты, гдѣ случайности мимолетно возникаютъ и такъ же быстро исчезаютъ... Въ заключеніе онъ утверждаетъ, что успѣхъ никогда не зависѣлъ ни отъ позицйи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа войскъ, а отъ тѣхъ чувствъ, которое живетъ въ каждомъ солдатѣ.

Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшился его выиграть, говоритъ князь Андрей, и приводит весьма неудачно, въ примѣръ, аустерлицкое сраженіе, которое мы проиграли будто бы оттого, что сказали себѣ очень рано, что его проиграли. Аустерлицкое сраженіе принадлежитъ въ числу тѣхъ, несчастный исходъ которыхъ болѣе всего зависѣлъ отъ предварительныхъ и фальшивыхъ распоряженій главнокомандующаго.

го. Планъ сраженія, какъ извѣстно, основанъ былъ на томъ, чтобы обойти Наполеона съ обѣихъ фланговъ, въ непонятномъ предположеніи, что во время обхода онъ будетъ оставаться неподвиженъ; слѣдствіемъ этого плана было полное разьединеніе нашихъ войскъ, которое и было главною причиною пораженія и позволило Наполеону по частямъ разбить наши войска. Что касается до остальныхъ положеній, высказываемыхъ героемъ романа, то мы затрудняемся даже возражать на нихъ: доказывать, что вооруженіе играетъ важную роль, что число войскъ оказываетъ рѣшительное вліяніе на ходъ боя, что хорошая позиція затрудняетъ непріятеля, по нашему мнѣнію, и бесполезно и бесплодно.

Затѣмъ авторъ говоритъ о Кутузовѣ слѣдующее: „Долголѣтнимъ опытомъ, онъ (Кутузовъ) зналъ и понималъ, что *руководить* сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертію, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неудовимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за нею и *руководилъ* ею на сколько это было въ его власти“. Замѣтимъ, во-первыхъ, противорѣчіе въ словахъ напечатанныхъ курсивомъ. Но кромѣ того въ этихъ словахъ, почти тождественныхъ съ вышеприведенными разсужденіями, выясняется совершенно мысль автора о той одной причинѣ, имѣющей вліяніе на ходъ боя, и высказывается незнакомство автора съ тѣмъ, какъ понимается въ настоящее время большинствомъ военныхъ людей ихъ ремесло. Надо замѣтить, что пора математическихъ и геометрическихъ вычисленій въ военномъ дѣлѣ безвозвратно прошла и взглядъ на него существенно измѣнился; теперь думаютъ, что успѣхъ на войнѣ зависитъ не отъ одной какой-либо причины, а отъ совокупности множества условій, изъ которыхъ ни одному, какъ бы оно ни было важно, нельзя дать исключительнаго значенія и оставить безъ вниманія другія.

Въ ряду этихъ условій, важнѣйшее мѣсто занимаетъ та неудовимая сила, которая называется духомъ войска; но это еще болѣе заставляетъ признавать вліяніе на успѣхъ боя и распоряженій командующаго, и мѣста, на которомъ стоятъ войска, и ихъ числа и вооруженія, какъ потому, что отъ этихъ условій прямо зависитъ нравственная сила войскъ, такъ и по-

тому, что они имѣютъ самостоятельное вліяніе на ходъ боя. Нѣтъ ничего неважнаго въ военномъ дѣлѣ. Задавшись мыслію, что только одна неудовимая и независимая нравственная сила, рѣшаетъ участь сраженій, графъ Толстой прямо отрицаетъ всѣ прочія условія, при которыхъ ведется бой, и съ увѣренностію говоритъ о невозможности и даже вредѣ распоряженій въ бою. Намъ кажется, что графъ Толстой находится на той точкѣ пониманія военнаго дѣла, когда изслѣдователь, ожидая найти въ военной наукѣ точныя правила и положительныя данныя, строго примѣняющіяся на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности находитъ постоянныя противорѣчія съ сказанными правилами и безчисленныя случайности, окружающія бой, на которыя, на всѣ, никакая наука отвѣта дать не можетъ; видя такую несообразность, изслѣдователь отвергаетъ совершенно изученіе военнаго дѣла, или все сосредоточиваетъ на одной какой-либо его сторонѣ, согласно своему характеру. Но не надо забывать, что военной науки, въ смыслѣ кодекса непреложныхъ правилъ, нѣтъ; нѣтъ рецепта для побѣды, а есть *теорія военнаго искусства*, какъ и всякаго другаго искусства: музыки, живописи и т. д. Никто не сомнѣвается, что, напримѣръ, для живописца весьма важно знать перспективу, сочетанія свѣта и тѣни, сочетаніе цвѣтовъ, словомъ, получить знакомство съ тѣми элементами, изъ которыхъ слагается его дѣло, а между тѣмъ находятся люди, которые для военныхъ людей отвергаютъ пользу знакомства съ составными частями военнаго дѣла. Въ прѣжнее время, дѣйствительно, знакомство съ составными элементами военнаго дѣла было въ пренебреженіи; военные люди того времени считали автоматами единицы, составляющія армию; тактическія массы представлялись имъ также въ видѣ линій и квадратовъ, имѣющихъ извѣстныя, неизмѣняющіяся свойства; военная наука состояла въ изученіи какой-либо теоріи, считавшейся неопровержимою и совершенно достаточною для пораженія непріятеля; думали, что стоитъ только двигаться по внутреннимъ линіямъ и заставить непріятеля дѣйствовать по вѣншнимъ или расположиться у непріятеля на флангъ, и успѣхъ считался совершенно обезпеченнымъ. Такимъ теоретикомъ представляется Фуль и многіе другіе современные ему военные люди. Во всѣ времена замѣчается стремленіе свести военное искусство именно на эту ложную дорогу, на дорогу непреложныхъ правилъ, невыслымыхъ въ военномъ

дѣлъ; военныя теоретики, не могущіе помириться съ такимъ положеніемъ, и прѣмѣнно, въ ущербъ дѣлу, хотѣтъ, во чтобы то ни стало, подчинить военное искусство какой-либо измышленной ими теоріи. Да оно и гораздо легче: выучить нѣсколько непреложныхъ истинъ и получить репутацію военнаго человека, или, не имѣя опорной теоріи, въ каждомъ данномъ случаѣ пускаться въ дѣло всѣ силы своего ума и всю свою энергію для разумнаго и соответственнаго рѣшенія вопроса. Съ другой стороны, отсутствіе непреложныхъ правилъ никоимъ образомъ не можетъ повести за собою отрицанія теоретическаго изученія военнаго дѣла. По мнѣнію военныхъ людей нашего времени, теорія военнаго дѣла разлагается на два отдѣла: на изученіе элементовъ, или данныхъ, съ которыми придется имѣть дѣло въ бою, т. е. свойствъ войскъ, оружія, мѣстности и т. д., и на примѣненіе этихъ элементовъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Первый отдѣлъ представляетъ положительную часть теоріи и подлежитъ положительному изученію, между тѣмъ какъ второй составляетъ лишь дополненіе къ нему и не имѣетъ прямаго примѣненія къ военному дѣлу, потому что происходитъ при условіяхъ, не похожихъ на тѣ, которыя встрѣтятся въ бою. Тѣмъ не менѣе, эта вторая часть теоріи военнаго искусства, развивая находчивость и гибкость ума, можетъ принести извѣстную пользу, въ особенности если она связана съ изученіемъ образцовъ военнаго искусства. Лучшая практика для примѣненія положительныхъ данныхъ, даваемыхъ первымъ отдѣломъ, есть, разумѣется, практика боевая; но за неимѣніемъ ей придется ограничиться правильно и цѣлесообразно веденымъ воспитаніемъ войскъ и изученіемъ военной исторіи. Такимъ образомъ, если бы графъ Толстой отнесся практически къ военному дѣлу, ему бы никогда не пришлось задавать себѣ вопросы, что важнѣе всего на войнѣ, какъ не придетъ въ голову музыканту рѣшать вопросъ, что важнѣе: скрипка, смычекъ или рука, или руководящая.

Высказавши свою теорію военнаго искусства, въ которой ничто не имѣетъ значенія, кромѣ нравственной силы нижняго слоя арміи, авторъ подводитъ всѣ факты подъ эту теорію и, къ несчастію, лишается иногда столь присущей ему объективности. Это всего замѣтнѣе въ его характеристикѣ обоихъ главнокомандующихъ. Стараясь доказать не только бесполезность, но и вредъ всякихъ распоряженій въ бою, авторъ просто

упускаетъ изъ виду дѣлюю полевую дѣятельность главнокомандующаго. Онъ говоритъ, что одному человеку, кто бы онъ ни былъ, невозможно оказать какое-нибудь влияние на ходъ дѣла при той обстановкѣ, которая его окружаетъ: пылъ, дымъ отъ выстрѣловъ, общая суматоха, сопровождающая всегда рукопашную схватку, дѣлаютъ безсильною волю одного человека и даютъ случайный характеръ исходу всякаго боя. Но авторъ, очевидно, упускаетъ изъ виду тѣ распоряженія главнокомандующаго, въ которыхъ онъ полный хозяинъ и которыми, предшествуя бою, отдаются войскамъ послушнымъ его волѣ, находящимся или внѣ выстрѣловъ неприятеля, или подъ слабымъ его огнемъ. Въ особенности это выдается рѣшительно въ большихъ сраженіяхъ: составить планъ атаки, выбрать направленіе, минуту, послать тотъ или другой родъ войскъ, то или другое ихъ число, все это имѣетъ огромное влияние на ходъ боя и находится вполне въ рукахъ главнаго начальника. Такого рода распоряженія главнокомандующаго и подлежатъ критической оцѣнкѣ и въ бородинской битвѣ, какъ и во всякой другой: можно преслѣдить ихъ и указать на относительныя ихъ достоинства. Графъ Толстой, во что бы то ни стало, хочетъ показать образцовыми дѣйствія Кутузова и нигуда негодными распоряженія Наполеона. Замѣчая, что русскія войска въ бородинскомъ сраженіи на отдѣльныхъ пунктахъ дѣйствовали превосходно, а съ другой стороны видя отсутствіе распоряженій Кутузова, авторъ находитъ, что именно въ этомъ и состоитъ роль главнокомандующаго, и что Кутузовъ сознательно не вмѣшивался въ ходъ боя. Но такъ ли дѣйствительно это было? Въ годовину бородинской битвы Кутузовъ былъ очень старъ; ему недоставало энергии, но не той зрѣлой энергіи, которая необходимо выразилась въ принятіи бородинскаго боя, а впоследствии, еще болѣе, въ отпадѣ Москвы, а энергической способности зорко и неутомимо слѣдить за ходомъ боя и рѣшаться ежеминутно на тотъ или другой образъ дѣйствій; ему недоставало физическихъ силъ, чтобы иногда лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ на томъ или другомъ пунктѣ; короче, по своимъ нравственнымъ и физическимъ условіямъ, онъ не могъ вполне руководить ходомъ боя. Оттого этотъ памятный день, единственное оружіе, въ которомъ мы имѣли перевѣсъ надъ французами — артилерія — осталась неупотребленною въ дѣло. Французы имѣли 587 орудій, изъ

которыхъ 160 были полковыя, т. е. совершенно ничтожной дальности; мы имѣли 640 орудій, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ часть состояла изъ батарейныхъ батарей, а между тѣмъ 300 орудій нашего артиллерійскаго резерва почти не были въ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ не были употреблены въ массѣ и не оказали существеннаго вліянія на ходъ сраженія. Смерть Кутайсова, начальника артилеріи, конечно, отчасти можетъ оправдать главнокомандующаго, но только отчасти, ибо ничто не мѣшало ему или взять на себя инициативу управленія артиллерійскимъ резервомъ, или назначить другаго. Сюда же можно отнести ошибочное скопленіе нашихъ войскъ на правомъ флангѣ и слишкомъ близкое расположеніе, данное резервамъ, которые несли большую потерю все время боя. Кромѣ того, можно замѣтить нѣсколько самовольныхъ распоряженій, которыя не укрылись бы отъ другаго главнокомандующаго: такъ Беннигсенъ отмѣняетъ распоряженіе Кутузова о занятіи Утѣцы и не даетъ даже объ этомъ знать въ главную квартиру; Барклай расходуетъ главный резервъ помимо главнокомандующаго и проч. Тѣмъ не менѣе, въ дѣятельности Кутузова въ этотъ день можно указать другія стороны, говорящія въ его пользу. Атака Уварова на правый флангъ французовъ, имѣвшая существенное вліяніе на дѣло, принадлежитъ старому фельдмаршалу: она произведена по его личному приказанію. Онъ умѣлъ оцѣнить и относительную важность извѣстныхъ моментовъ боя и щедрою рукою давалъ резервы въ эти минуты; онъ отлично зналъ своихъ подчиненныхъ и расходовалъ резервы сообразно съ ихъ характеромъ; а главное: онъ зналъ солдата и былъ дѣйствительно проникнутъ одинаковымъ съ нимъ желаніемъ, выразившимся въ рѣшеніи не уступать врагу.

Но взглядъ автора на Наполеона, начиная съ изображенія его въ обнаженномъ видѣ, фыркающаго подъ руками камердинеровъ, вытирающихъ одеколономъ его тучное тѣло, 24-го августа, и кончая описаніе его фигуры въ концѣ сраженія, гдѣ онъ сидѣлъ на шевардинскомъ курганѣ: желтый, опухлый, тяжелый, съ мутными глазами, *краснымъ носомъ* и охриплымъ голосомъ, утрированъ до крайности. Мы нисколько не сомнѣваемся, что приведенные факты не подлежатъ сомнѣнію; но самый подборъ ихъ указываетъ на натяжку и лишаетъ эти мѣста романа той художественной правды, которая составляетъ, за этия исключенія, отличительную черту таланта графа Толстаго.

Говоря о диспозиціи; отданной Наполеономъ въ день Бородинскаго сраженія, графъ Толстой доказываетъ, что она написана весьма неясно и спутанно и заключала въ себя четыре распоряженія, изъ которыхъ „ни одно не могло быть и не было исполнено. Въ диспозиціи сказано, первое, чтобы усиленыя на избранномъ Наполеономъ мѣстѣ батареи, со иждивеніемъ вырваннаго съ нами орудія Перретти и Фуше, всю 102 орудія, открыли огонь и засыпали русскіе фланги и редуты снарядами. Это не могло быть сдѣлано, такъ какъ съ назначенныхъ Наполеономъ мѣстъ снаряды не долетали до русскихъ работъ, и эти 102 орудія стрѣляли попустому до тѣхъ поръ, пока ближайшій начальникъ, противно приказанію Наполеона, не выдвинулъ ихъ впередъ.

„Второе распоряженіе состояло въ томъ, чтобы Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, обошелъ лѣвое крыло русскія. Это не могло быть и не было сдѣлано, потому что Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ загораживающаго ему дорогу Тучкова, и не могъ обойти и не обошелъ русскую позицію.

„Третье распоряженіе: генераль Компанъ двинется въ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ. Дивизія Компана не овладѣла первымъ укрѣпленіемъ, а была отбита, потому что, выходя изъ лѣса, она должна была строиться подъ картечнымъ огнемъ, чего не зналъ Наполеонъ.

„Четвертое: вице-король овладѣетъ деревнею (Бородиною) и перейдетъ по своимъ тремъ мѣстамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Фріана (о которыхъ не сказано куда и когда онѣ будутъ двигаться), которыя подъ его предводительствомъ направятся въ редутъ и войдутъ въ линію съ прочими войсками.

„Сколько можно понять, если не изъ безтолковаго періода этого, то изъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣланы были вице-королемъ исполнить данныя ему приказанія, онъ долженъ былъ двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ, дивизіи же Морана и Фріана должны были двинуться одновременно съ фронта.

„Все это такъ же, какъ и другіе пункты диспозиціи, не было и не могло быть исполнено. Пройдя Бородино, вице-король былъ отбитъ на Колочѣ и не могъ пройти дальше; дивизіи же Морана и Фріана не взяли редутъ, а были отбиты,

и редутъ въ концѣ сраженія уже быть захваченъ кавалеріей (вѣроятно, непредвидѣнное дѣло для Наполеона, и несмысленное). Итакъ ни одно изъ распоряженій диспозиціи не было и не могло быть исполнено. Но въ диспозиціи сказано, что, по вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны приказы, соответственные дѣйствіямъ непріятеля, и потому могло бы казаться, что во время сраженія будутъ сдѣланы Наполеономъ всѣ нужныя распоряженія; но этого не было и не могло быть, потому что во все время сраженія Наполеонъ находился такъ далеко отъ него, что (какъ это и оказалось впоследствии) холъ сраженія ему не могъ быть извѣстенъ, и ни одно распоряженіе его во время сраженія не могло быть исполнено“.

Если безпристрастный читатель вникнетъ въ смыслъ этихъ словъ, то легко замѣтитъ, что авторъ обвиняетъ Наполеона въ томъ, что распоряженія его, сами по себѣ совершенно разумныя и нисколько не выходящія изъ области возможнаго, не были исполнены другими. Авторъ очевидно упускаетъ изъ виду, что въ диспозиціи указывается только цѣль, которой войска должны достигнуть, направленіе, время и порядокъ производства первоначальныхъ атакъ. Въ разсматриваемой диспозиціи цѣль поставлена ясно, предварительныя распоряженія не произвели ни малѣйшей суматохи въ движеніяхъ войскъ и во все время нельзя было замѣтить безпорядка, происшедшаго не отъ боя, а отъ распоряженій главнокомандующаго. Если бы авторъ познакомился съ другими диспозиціями, отдаваемыми передъ сраженіями, онъ бы увидѣлъ какъ ясно и просто диспозиція Наполеона. Что же касается исполненія приказаній Наполеона, то онъ, какъ опытный боецъ, зналъ, что они не будутъ исполнены; повсемѣстное ихъ исполненіе равнялось бы полному пораженію русской арміи *съ перваю же удара*, на что онъ не могъ рассчитывать; доказательствомъ служатъ огромныя, оставленныя имъ резервы, употребить въ дѣло которые онъ предоставлялъ своему собственному усмотрѣнію. Затѣмъ авторъ съ ироніею говоритъ, что Наполеонъ, обнщая дѣлать своевременныя распоряженія во время боя, не могъ исполнить своего обнщанія, потому что былъ далеко отъ мѣста боя и не могъ знать положенія дѣлъ на томъ или другомъ пунктѣ. Такое мнѣніе очевидно ошибочно. Конечно, онъ не могъ распоряжаться войсками, пущенными въ самый пылъ битвы; онъ зналъ это очень хорошо и не претендовалъ аже на такія распоря-

женіи, но, относительно движенія въ огонь еще неразстроенныхъ массъ, имъ отдавались распоряженія въ продолженіе всего боя. Наконецъ ему принадлежитъ послѣднее распоряженіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла, распоряженіе касательно старой гвардіи, которую онъ не рискнулъ пустить въ огонь. Между тѣмъ, дѣло было въ такомъ напряженномъ состояніи, что для его рѣшенія достаточно было четвертой доли того резерва, которымъ располагала Наполеонъ. Графъ Толстой, съ свойственною ему жѣткостью, описываетъ это напряженное состояніе русской арміи словами раненаго солдата: „Мы его отсюда такъ долбанули, такъ все побросали, самого короля забрали!...“ блестя черными, разгоряченными глазами и оглядываясь вокругъ себя кричалъ солдатъ. — „Подойди только въ тотъ самый разъ лезервы, его бѣ, братецъ ты мой, званія не осталось, потому, вѣрно тебѣ говорю...“ и т. д.

Это убѣжденіе въ необходимости введенія въ дѣло резерва, царствовало, вѣроятно, съ такою же силой и во французской арміи, чему служатъ доказательствомъ мнѣнія маршаловъ Наполеона, бывшихъ въ самомъ пылу битвы: такъ думали Мюратъ, Бельяръ и Ней, такъ думали вѣроятно и самыя войска. Но въ русской арміи *лезерва* уже не было, между тѣмъ какъ Наполеонъ имѣлъ, въ это время, въ своемъ распоряженіи двадцатитысячное негронутое, отборное войско. Авторъ говоритъ, что Наполеонъ *не могъ* этого одѣлать, что всѣ будто бы были убѣждены, всѣ маршалы и генералы, что *нельзя* послать старую гвардію въ дѣло, и оставляетъ читателя лицомъ въ лицу съ необъясненнымъ ничѣмъ и неоснованнымъ ни на чемъ *не могъ* и *нельзя*. Намъ кажется, что вмѣсто этихъ загадочныхъ словъ было бы гораздо умѣстнѣе объяснить, почему Наполеонъ *не захотѣлъ* этого сдѣлать. Не зная хорошо печальнаго положенія, въ которомъ находились наши войска, ожидая найти насъ свѣжіе резервы, которыхъ онъ могъ ожидать, зная историчность Кутузова, напуганный неожиданною атакою во флангъ и потрясенный нравственно-геройскимъ сопротивленіемъ русскихъ войскъ, онъ *не захотѣлъ* ввести въ дѣло *молодой* свой резервъ въ то время, когда, напротивъ, всѣ требовали этого.

Вообще личность Наполеона, какъ военнаго человека, въ которой авторъ относитъ почти смыслъ, принадлежитъ къ тѣмъ руинымъ явленіямъ, которые насчитываются исторіей не десят-

ками, а немногими единицами съ сотворенія міра и до нашихъ временъ. Такая личность имѣла несомнѣнное вліяніе на войска и не даромъ получила обаятельное на нихъ вліяніе. Геній Наполеона состоялъ не въ обладаніи какого-либо секрета или рецепта для выигрыша сраженія, не въ томъ что у него была своя тактика и своя стратегія: его геніальность состояла въ знаніи и пониманіи солдата и человѣка, въ умѣннѣ ободрить и оживить войска, поднять ихъ нравственныя силы, въ умѣннѣ понять и, что называется, раскусить непріятеля, въ особенномъ искусствѣ пользоваться мимолѣтными случайностями и изъ хаоса намежовъ и полусловъ составить приблизительное понятіе о положеніи дѣла и вѣроятномъ его исходѣ, иногда достигавшее размѣровъ почти предвидѣнія (Аустерлицъ), сочетаніе рѣшимости съ осторожностью, которое рѣдко его оставляло, и личная храбрость или, лучше сказать, презрѣніе къ опасности—вотъ данныя, которыя въ продолженіе пятнадцати лѣтъ водили Наполеона къ побѣдамъ и снискали ему подъ-конецъ безграничное довѣріе и обожаніе солдатъ, которое испытано было нѣсколько разъ на самомъ тяжеломъ оселкѣ войны — на пораженіи. А по теоріи графа Толстаго Наполеонъ и Макъ одно и то же и могутъ оказать одинаковое вліяніе на ходъ руководимаго ими сраженія. Наполеонъ имѣлъ громадное вліяніе на свои войска и на противника. Для примѣра приведемъ одинъ изъ случаевъ, пришедшихъ намъ на память изъ той же отечественной войны. Во время переправы черезъ Березину, когда всякій солдатъ, перешедшій на правый берегъ рѣки, считалъ себя счастливымъ и избавленнымъ отъ всѣхъ ужасовъ голода, холода и смерти, соединенныхъ съ безостановочнымъ отступленіемъ, Наполеонъ, для поддержанія Виктора, оставленнаго въ арьергардъ на лѣвомъ берегу, приказалъ одной изъ своихъ бригадъ (бригадѣ Денделса) снова перейти на ту сторону рѣки и бригада пошла на вѣрную смерть. Принявъ во вниманіе громадную нравственную силу, которую имѣлъ Наполеонъ надъ своими войсками, невозможно предположить, чтобы, какъ думаетъ графъ Толстой, приказаніе, отданное гвардіи для произведенія рѣшительной атаки въ день бородинской битвы, не было приведено въ исполненіе. И непріятель какъ огня боялся одного имени Наполеона; разбитый и отступающій, какъ въ 1812 году, онъ былъ еще страшнѣе побѣдителемъ, и мы знаемъ съ какою не-

охотою выходили войска на перерывъ его отступленія. Въ другихъ кампаніяхъ движеніе какого-нибудь отряда, считавшееся незначительнымъ, получало громадныя размѣры, если въ главной квартирѣ получались свѣдѣнія, что съ этимъ отрядомъ идетъ Наполеонъ: такъ было не разъ въ 1814 году, когда, при всякомъ извѣстїи о движеніи Наполеона на флангъ или въ тылъ союзнымъ арміямъ, принимались мѣры къ отступленію за Рейнъ. Въ соображеніяхъ, производившихся для изысканія мѣръ къ отраженію Наполеона, былъ настоящій хаосъ, потому что составителямъ плановъ всегда представлялись самыя невѣроятныя выходы Наполеона, предполагавшія въ немъ почти сверхъестественную силу.

Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ мысляхъ героя романа, Андрея Болконскаго, по поводу войны. Онъ предлагаетъ, между прочимъ, для того чтобы сдѣлать войну менѣе жестокою, не брать плѣнныхъ; тогда войны, по мнѣнію Болконскаго, были бы гораздо серьезнѣе и не велись бы изъ-за пустяковъ, а велись бы только въ тѣхъ случаяхъ, когда каждый атомъ арміи сознавалъ бы необходимость идти на вѣрную смерть. Къ несчастью, тація времена бывали и, къ счастью, безвозвратно прошли: времена, когда не только плѣнные уводились въ неволю, но когда вырѣзывались поголовно и мирные жители, ихъ жены и дѣти и, вопреки мнѣнію героя гр. Толстаго, войны не были ни серьезнѣе, ни рѣже. Не трудно замѣтить, что побѣда состоитъ не въ смерти противника, а въ нравственномъ подчиненіи его нашей волѣ, какими бы то ни было средствами. Какъ ни затруднительно во время войны, этой ненормальной функціи человѣчества, провести ясную и рѣзкую черту между благоразумною самообороною и ненужной жестокостію, но она непременно должна существовать, и, намъ кажется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ стирать эту черту. Сухой теоріей и абстрактностію дышать разсужденія Болконскаго, которому не худо бы припомнить слова знатока войны и сердца человѣческаго, Суворова: „фитиль на картечь, бросься на картечь, летить сверхъ головы! пушки твои, люди твои! вали на мѣстѣ! гони, коли! *остальнымъ дайши пощадю! грѣшь напрасно убивать! они такіе же люди!*“

Указавъ тѣ стороны романа гр. Толстаго, которыя, по нашему мнѣнію, не сходятся съ здоровыми понятіями о военномъ дѣлѣ и, къ счастью, составляютъ какъ бы вводную часть сочи-

— Государь, послать дивизию Клапареда, сказалъ Бертье, помнившій наизусть всѣ дивизіи, полки и баталіоны.

„Наполеонъ утвердительно кивнулъ головою.

„Адъютантъ песканалъ къ дивизіи Клапареда. И чрезъ нѣсколько минутъ молодая гвардія, стоявшая позади кургана, тронулась съ своего мѣста. Наполеонъ молча смотрѣлъ по этому направленію.

— Нѣтъ, обратился онъ вдругъ къ Бертье, я не могу послать Клапареда. Пошлите дивизию Фріана, сказалъ онъ.

„Хотя не было никакого преимущества въ томъ, чтобы вѣсто Клапареда посылать дивизию Фріана и даже было очевидное неудобство и замедленіе въ томъ, чтобы остановить теперь Клапареда и посылать Фріана, но приказанье было съ точностью исполнено (*).

„Дивизія Фріана, такъ же какъ и другія, скрылась въ дыму поля сраженія. Съ разныхъ сторонъ продолжали прискакивать адъютанты, и всѣ, какъ бы сговорившись, говорили одно и то же. Всѣ просили подкрѣпленій, всѣ говорили, что русскіе держатся на своихъ мѣстахъ и производятъ un jeu d'enfer, отъ котораго таетъ французское войско.

„Наполеонъ сидѣлъ въ задумчивости на складномъ стулѣ. Онъ испытывалъ тяжелое чувство, подобное тому, которое испытываетъ всегда счастливый игрокъ, безумно кидавшій свои деньги, всегда выигрывавшій, и вдругъ, именно тогда, когда онъ разсчиталъ всѣ случайности игры, чувствующій, что чѣмъ болѣе обдуманъ его ходъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ проигрываетъ.

„Войска были тѣ же, генералы тѣ же, тѣ же были приготвленія, та же диспозиція, та же proclamation courte et énergique; онъ самъ былъ тотъ же. Онъ это зналъ; онъ зналъ, что онъ былъ даже гораздо опытнѣе и искуснѣе теперь, чѣмъ онъ былъ прежде; даже врагъ былъ тотъ же, что подъ Аустерлицемъ и Фриландомъ; но страшный размахъ руки падалъ вошпешно-безсильно.

„Всѣ тѣ прежніе приемы, бывало неизмѣнно увѣнчиваемые успѣхомъ: и сосредоточеніе батарей на одинъ пунктъ, и атака

(*) Авторъ думаетъ что не было никакого основанія посылать ту или другую дивизию въ дѣло. Между тѣмъ дивизія Клапареда принадлежала къ молодой гвардіи, а дивизія Фріана къ корпусу Даву, дѣйствовавшему на правомъ флангѣ французовъ, куда и посылалось подкрѣпленіе. Кажется, что Наполеонъ имѣлъ нѣкоторое основаніе удержать отборныя войска въ резервѣ и послать въ подкрѣпленіе Даву его же дивизию.

резервовъ для прорванія линіи, и атака кавалеріи *des hontmes de fer*, всѣ эти приемы уже были употреблены, и не только не было побѣды, но со всѣхъ сторонъ приходили одиѣ и тѣ же извѣстія о убитыхъ и раненыхъ генералахъ, о необходимости подкрѣпленій, о невозможности сбить русскихъ и о разстройствѣ войскъ.

„Прежде, послѣ двухъ, трехъ распоряженій, двухъ, трехъ фразъ, скакали съ поздравленіями и веселыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя трофеями корпуса плѣнныхъ, *des faisceaux de drapeaux et d'aigles ennemis*, и пушки, и обозы, и Мюратъ просилъ только позволенія пускать кавалерію для забранія обозовъ. Такъ было подъ Лоди, Маренго, Арколе, Иеной, Аустерлицемъ, Ваграмомъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Теперь же что-то странное происходило съ его войсками:

„Несмотря на извѣстіе о взятіи флешей, Наполеонъ видѣлъ, что это не то, совсѣмъ не то, что было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что то же чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ его окружающіе люди; опытные въ дѣлѣ сраженій. Всѣ лица были печальны, всѣ глаза избѣгали другъ друга. Только одинъ Боссе могъ не понимать значенія того, что совершалось. Наполеонъ же, послѣ своего долгаго опыта войны, зналъ хорошо, что значило, въ продолженіе восьми часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было почти проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь—на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе—погубить его и его войска.

„Когда онъ перебиралъ въ воображеніи всю эту странную, русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одно сраженіе, въ которой въ два мѣсяца не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войскъ, когда глядѣлъ на скрытно-печальныя лица окружающихъ и слушалъ донесенія о томъ, что русскіе все стоятъ — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому въ сновидѣніяхъ, охватывало его, и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло; могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самого. Все это было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ

ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда чело-
вѣку представляется наступающій на него злодѣй и человекъ
во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страш-
нымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его
и чувствуетъ, что рука его, бессильная и мягкая, падаетъ
какъ тряпка, и ужасъ неотразимой гибели обхватываетъ
беспомощнаго человекъ.

„Извѣстіе о томъ, что русскіе атакуютъ лѣвый флангъ
французской арміи, возбудило въ Наполеонѣ этотъ ужасъ. Онъ
молча сидѣлъ подъ курганомъ на складномъ стулѣ, опустивъ
голову и положивъ локти на колѣна. Бертье подошелъ къ нему
и предложилъ проѣхать по линіи, чтобы убѣдиться въ какомъ
положеніи находилось дѣло.

— Что? что вы говорите? сказалъ Наполеонъ. Да, велите
подать мнѣ лошадь.

Онъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Семеновскому.

„Въ медленно-расходившемся пороховомъ дымѣ по всему
тому пространству, по которому ѣхалъ Наполеонъ—въ лужахъ
крови, лежали лошади и люди поодиначкѣ и кучами. Подоб-
наго ужаса, такого количества убитыхъ на такомъ маломъ
пространствѣ, никогда не видали еще и Наполеонъ и никто изъ
его генераловъ. Гулъ орудій, не перестававшій десять часовъ
сряду и измучившій ухо (какъ музыка при живыхъ картинахъ)
придавалъ особенную значительность зрѣлищу. Наполеонъ вы-
ѣхалъ на высоту Семеновскаго и сивозъ дымъ увидалъ ряды
людей въ мундирахъ цвѣтовъ, непривычныхъ для его глаза.
Это были русскіе.

„Русскіе плотными рядами стояли позади Семеновскаго
и кургана, и ихъ орудія не переставая гудѣли и дымѣли по
ихъ линіи. Сраженія уже не было. Было продолжавшееся убій-
ство, которое ни къ чему не могло повести ни русскихъ, ни
французовъ. Наполеонъ остановилъ лошадь и впалъ опять въ
ту задумчивость, изъ которой вывелъ его Бертье; онъ не могъ
оставить того дѣла, которое дѣлалось передъ нимъ и вокругъ
него и которое считалось руководимымъ имъ и зависящимъ
отъ него, и дѣло это ему, въ первый разъ, вслѣдствіе неуспѣха,
представлялось ненужнымъ и ужаснымъ.

„Одинъ изъ генераловъ, подъѣхавшихъ къ Наполеону, по-
зволилъ себѣ предложить ему ввести въ дѣло старую гвардію.
Ней и Бертье, стоявшій подлѣ Наполеона, переглянулись между

собою и презрительно улыбались на бессмысленное предложение этого генерала.

Наполеонъ опустилъ голову и долго молчалъ.

— A huit cent lieux de France je ne ferai pas démolir ma garde! сказалъ онъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ назадъ къ Шевардину.

„Французское нашествіе—говорить далѣе гр. Толстой—какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, такъ же какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка, французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погнѣннть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ, раны“.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы яркій талантъ графа Толстаго, касаясь историческихъ изслѣдованій, основывался на болѣе твердой почвѣ, даваемой положительными знаніями и серьезнымъ изученіемъ данной эпохи. При обширныхъ интеллектуальныхъ средствахъ гр. Толстаго, его историческіе этюды принесли бы много пользы популяризацией свѣдѣній, касающихся положенія общества въ нашемъ прошедшемъ, о которомъ, за небольшими исключеніями, мы имѣемъ только самыя сухія и разобщенныя свѣдѣнія.

И. Л.

Сборникъ боевыхъ наставленій и приказовъ. *Изданіе военно-ученаго комитета главногo штаба. Выпускъ I: Суворовъ. Спб. 1868.*

Военно-ученый комитетъ главнаго штаба, имѣя въ виду пользу, которую можетъ принести нашей арміи изученіе боевыхъ наставленій и приказовъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей, предпринялъ изданіе „Сборника“, заглавіе котораго приведено выше.

Наставленія и приказы замѣчательнѣйшихъ боевыхъ дѣятелей—какъ выводъ изъ ихъ знаній и боеваго опыта—кромя біографическаго интереса, представляютъ и интересъ научный. Конечно, при этомъ, слѣдуетъ имѣть въ виду условія времени, когда появлялись подобныя наставленія и приказы, основныя качества армій, для которыхъ они писались, и обстоятельства,

при которыхъ создано то или другое наставленіе, тотъ или другой боевой приказъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не убѣдиться, что существуютъ такіе документы этого рода, которые по основнымъ своимъ началамъ представляютъ какъ бы психологическіе трактаты, соображенные съ неизмѣнными законами человѣческой натуры. Среди подобнаго рода наставленій и приказовъ занимаютъ почетнѣйшее мѣсто наставленія и приказы нашего великаго военнаго гения—незабвеннаго Суворова. Суворовъ, хорошо изучивъ натуру человѣка, глубоко заглянувъ въ душу человѣка русскаго, зналъ его со всѣхъ сторонъ его нравственнаго быта и склада его понятій; съ другой стороны—человѣкъ военной науки и боеваго быта, Суворовъ былъ вполнѣ знаткомъ военнаго дѣла и его основныхъ началъ и требованій. Вотъ почему суворовская „наука побѣждать“ есть образцовое боевое наставленіе; вотъ почему каждый военный, въ которомъ есть хоть искра боевой отваги, не прочтетъ хладнокровно слова, вылившіяся прямо отъ сердца великаго военнаго гения.

Понятно, что при изученіи подобныхъ наставленій великаго мастера военнаго дѣла болѣе всего важно изученіе ихъ духа, ихъ основныхъ началъ. При этомъ всего важнѣе проникнуться этимъ духомъ, усвоить себѣ эти начала и разумно внести ихъ въ свою боевую дѣятельность. Буквальное же и безусловное воспринятіе даже суворовскихъ наставленій, писанныхъ около трехъ-четвертей столѣтія тому назадъ, было бы странно; надо помнить, что бываютъ различные противники, съ которыми приходится имѣть дѣло, и въ боевыхъ инструкціяхъ это всегда неизбѣжно отражалось и отражается.

Наставленія и приказы Суворова (не въ общемъ неизмѣнномъ духѣ ихъ, а въ частностяхъ), отдавались много лѣтъ тому назадъ, при иныхъ условіяхъ вооруженія армій, и притомъ, почти исключительно, во время военныхъ дѣйствій противъ турокъ и польскихъ инсургентовъ.... Конечно, мы не говоримъ о дѣйствіяхъ суворовскихъ войскъ въ Италіи и Швейцаріи....

Первый выпускъ „Сборника“ посвященъ наставленіямъ Суворова; въ немъ помѣщены: отрывокъ изъ сочиненія Дюбокажа (*) о связныхъ атакахъ, суворовская „Наука побѣ-

(*) См. „Precis historique sur le Marechal Souworow“. Дюбокажъ (Duboscage) французскій эмигрантъ, служившій при Суворовѣ довольно продолжительное время.

ждать“, приказы и инструкціи Суворова по обученію австрійской арміи, въ 1799 г. Считаемо излишнимъ всякія рекомендаціи; но не можемъ не выразить желанія, чтобы книги „Сборника“ возможно болѣе распространились въ нашей арміи, что можно ожидать по ихъ интересу и значенію, и по крайне дешевой цѣнѣ (*).

Сколько извѣстно, въ послѣдующихъ выпускахъ будутъ помещены наставленія, инструкціи и приказы другихъ русскихъ и иностранныхъ полководцевъ и генераловъ.

Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ Европейской Турціи. Составилъ Н. Мосоловъ. Спб. 1868.

„Изъ всѣхъ сопредѣльныхъ съ нами въ Европѣ мѣстностей, говорится въ предисловіи къ рассматриваемой книгѣ, Балканскій полуостровъ, и въ особенности восточная его половина, представляетъ конечно страну наименѣе изслѣдованную во всѣхъ отношеніяхъ. Въ русской географической литературѣ до сороковыхъ и даже до пятидесятыхъ годовъ замѣтно было стремленіе къ изученію и описанію этой любопытной страны, гдѣ искони сосредоточивалось столько разнородныхъ и близкихъ намъ интересовъ; но въ ближайшее къ намъ время не издано почти ни одного сочиненія на русскомъ языкѣ, которое было бы посвящено описанію Европейской Турціи, ни въ цѣломъ ея составѣ, ни по отдѣльнымъ областямъ. Между тѣмъ, въ иностранной литературѣ появилось за послѣднія два десятилѣтія нѣсколько замѣчательныхъ путешествій по восточнымъ частямъ Европейской Турціи, имѣвшихъ главнѣйшею цѣлію географическое и топографическое изученіе страны. А потому изданіе на русскомъ языкѣ сборника извлеченій и отрывковъ изъ этихъ путешествій, значительно пополняющихъ скудные свѣдѣнія наши о названныхъ мѣстностяхъ, не можетъ быть въ настоящее время бесполезнымъ“.

Приведенными словами объясняется цѣль и характеръ вышесказанной книги, которая, безъ сомнѣнія, можетъ принести большую пользу при составленіи картъ Европейской Турціи, для рѣдкихъ путешественниковъ по Балканскому полуострову, и въ особенности въ примѣненіи къ военнымъ цѣлямъ. Въ послѣднемъ отношеніи книга г. Мосолова, конечно, весьма ин-

(*) Цѣна выпуску—5 коп.

интересное и полезное приобретение въ нашей географической литературѣ, ибо замѣняетъ собою десятки сочиненій по разсматриваемому предмету, почему мы ее рекомендуемъ войсковымъ бібліотекамъ.

Выдерживамъ изъ описаній путешествій, для общей связи, предпосланъ „Географическій обзоръ Европейской Турціи“ извлеченный изъ замѣчательнаго сочиненія Ами Буэ (Ami Boué) „La Turquie d'Europe“; затѣмъ помѣщены: „Маршруты по Европейской Турціи“, заимствованные изъ сборника Ами Буэ: „Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe“; за этими маршрутами, представляющими большой географическій и военный интересъ, слѣдуютъ „Замѣтки изъ путешествій по Балкану или горамъ Гемусъ въ 1847 г.“ англійскаго генерала Юхмуса, въ которыхъ, вмѣстѣ съ путевыми свѣдѣніями, встрѣчаются историческія, статистическія и экономическія данныя; затѣмъ статья „Изъ путешествія по Европейской Турціи Генриха Барта, осенью 1862 г.“ (Reise durch das innere der Europäischen Türkei“, von Heinrich Barth. Berlin. 1864) представляетъ общій географическій интересъ, и, безъ сомнѣнія, прочтется съ тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ всѣ труды извѣстнаго путешественника.

Въ концѣ книги приложены обстоятельно составленные по новѣйшимъ, современнымъ свѣдѣніямъ: „Административная роспись новаго дѣленія Европейской Турціи на вилайеты, санджаки и казы“; свѣдѣнія эти заимствованы изъ офиціального турецкаго календаря *Салмаме* на 1284 годъ геджры (на 1867—1868 г.); „Перечень разстояній главнѣйшихъ городовъ Европейской Турціи отъ Константинополя по почтовымъ дорогамъ (въ азбучномъ порядкѣ)“ и „Списокъ телеграфическихъ станцій въ Европейской Турціи“.

Обращая вниманіе на помѣщенные приложенія, пожалѣемъ, что въ „перечнѣ разстояній“ послѣднія показаны только въ часахъ, что весьма условно.

* * *